

Шпага для библиотекаря. Книга 1

Автор:

[Борис Батыршин](#)

Шпага для библиотекаря. Книга 1

Борис Борисович Батыршин

Шпага для библиотекаря #1

Наш современник, реконструктор, литератор, любитель и знаток наполеоновских войн. Да, он попаданец. Но его задача не переиграть историю, а наоборот, не позволить сделать это другим.

Кому? Как? Это и предстоит выяснить – если, конечно, он успеет. Потому что времени нет. Совсем. Неведомые силы кидают его вместе с горсткой ни о чём не подозревающих спутников в самое горнило нашествия Бонапарта на Россию. итак – середина августа 1812-го года, в двух десятках вёрст от Старой Смоленской дороги. И до дня Бородина остались считанные дни. и вот за эти «считанные дни» нужно успеть достаточно, чтобы спасти – не переиграть, сохранить в нетронутом виде! – ход мировой истории.

Справится ли с этим наш герой? Вот и посмотрим. В любом случае, для начала, ему надо понять, что, собственно, от него требуется...

Борис Батыршин

Шпага для библиотекаря

Только книги в восемь рядов,

Молчаливые, грузные томы,

Сторожат вековые истома,
Словно зубы в восемь рядов.

Мне продавший их букинист,
Помню, был и горбатым, и нищим...
...Торговал за проклятым кладбищем
Мне продавший их букинист.

Николай Гумилёв

Часть первая

«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...» [1 - Из песни барда Олега Митяева.]

I

Толян собрал ложкой остатки каши и отправил в рот. Заглянул в кан, прикидывая: стоит ли выскрести то, что прилипло к стенкам? Не стал – отпустил вздох в стиле «как несправедлив этот мир!..», ещё раз облизал ложку, и отправил её вместе с опустевшей миской в другой кан, залитый горячей водой – отмокать.

– Слышал, старик, ты собрался уехать из Москвы? Куда – не секрет?

Что ж, всё правильно: пообедали, теперь самое время почесать языки. А молодёжь пусть идет на раскоп, солнце ещё высоко. Если будет что интересное – позовут дедушек, покажут.

– Да какие там секреты... – я прикончил остатки своей порции и поставил миску на бревно. Вот не могу, чтобы мою походную посуду другие мыли! И неважно, что в лагере поисковиков это дело возложено на дежурных по лагерю – не могу, и всё! Привычка.

– Да какие могут быть секреты?... – повторил я. – Надоел до чёртиков мегаполис. Сколько лет собирался перебраться куда-нибудь в деревню, в Подмоскovie – и вот, наконец, решился. Причём именно в деревню, а не в коттеджный посёлок, или, не дай бог, в таунхаус.

– А справишься? Деревенское хозяйство – это, знаешь ли...

– Знаю, Толь. Я половину детства провёл у тётки в деревне. Она у меня в этих краях жила, и партизанила тут же. А в сорок третьем их отряд ушёл на запад и присоединился к партизанской бригаде Апретова. Да ты лучше меня знаешь, что тут тогда творилось...

Толя понимающе кивнул. Возглавляемый им поисковый отряд работал в окрестностях Вязьмы уже третий год. Здешние места нельзя назвать нетронутыми – наоборот, они пользуются исключительной популярностью, в том числе, и у чёрных копателей. Но уж слишком основательно прокатилась тут война – работы хватит ещё не одному поколению поисковиков. Сейчас, к примеру, они копают участок в виде вытянутого треугольника, зажатый между крошечными лесными озёрами. Если верить архивным документам – сюда осенью сорок первого отступила, отбиваясь от нападающих частей Вермахта, группа советских десантников. За три года Толян с его парнями подняли останки двенадцати бойцов, и не меньше половины сумели идентифицировать – серьёзный результат для человека понимающего.

Спросите, что я тут делаю? Ну да, вроде, не поисковик, к военной истории предпочитаю прикасаться либо на страницах книг, либо на фестивалях исторической реконструкции. Я и с Толяном там познакомился – он в своё время тоже увлёкся наполеоникой, пошил вместе с несколькими своими на московских ополченцев и с тех пор стараются не пропустить ни одного значимого события. На биваках реконструкторов я сживал у их костров, проводил для ополченцев тренировки по фехтованию, водил по музеям. А они, в свою очередь, взяли обыкновение приглашать меня на свои летние выезды, куда я с какого-то момента и зачастил...

Нет, фестивали реконструкторов – это круто, конечно. Это вживание в историю, «белые лагерь» с парусиновыми палатками, шлагбаумами, полосатыми будками для часовых, и старательно воссоздаваемым военным бытом. Но я люблю лес, особенно – лес средней полосы, ещё со студенческих, туристических и КПШных времён, а на фестивалях приходится разбивать лагерь в чистом поле. Это оправдано, разумеется: слишком много народу, ни один лес не выдержит такого нашествия. А здесь всего пара десятков парней и девчонок, и ущерба экологии от них никакого – если не забывать закапывать мусор и плющить и обжигать в костре пустые консервные банки.

За эти два года по случаю пандемии поотменяли кучу реконструкционных выездов. А я не могу без того, чтобы хоть пару раз за сезон не выбраться в лес. Так бывает: одних тянет в Турцию, других на Мальдивы, а третьих – вот так. Иначе не восстановиться, ни отдохнуть толком. Вот и я: год просидел в городе и, пожалуйста, угодил в больницу. Нет, богомерзкая ковидла обошла меня стороной, её я подцепил уже на больничной койке и, к счастью, в лёгкой форме. Но звоночек был понятный: либо завязываю с сидением в четырёх стенах, либо...

Ну, вы понимаете. Ничего хорошего второй вариант не сулил – в особенности с учётом моего полтинника с бо-ольшим гаком...

Нет, сам я землю не копаю. Ну, помогу иногда – а так всё больше сижу в лагере, помогаю по хозяйству да брожу по окрестностям. Ну и вечера возле костра, разумеется, с песнями, обжигающим, пахнущим дымом чаем и капелюшечкой чего-нибудь покрепче. Так-то у поисковиков сухой закон – но где это видано, чтобы двое матёрых реконструкторов не приберегли для себя заветную фляжечку? Плоскую такую, маленькую, овальную, из настоящего британского пьютера – подарок одного шотландца, полученный на фестивале двухсотлетия битвы при Ватерлоо. Забавно тогда получилось: русские реконструкторы, пошитые на драгун Великой Армии, бухали в компании шотландских собратьев по хобби в мундирах прусских гренадер...

– А тётка-то жива? – спросил Толик.

– Умерла, давно, ещё в девяностых. Она была двадцать третьего года рождения, и когда пришли немцы – ушла в лес с партизанами. Там, кстати, и с мужем будущим познакомилась – он был комиссаром отряда, а после войны заведовал совхозным клубом. Я его почти не помню – умер, когда мне было пять лет. А вот

тетка, наоборот, была мне вроде бабушки. Своих-то детей у них не было...

- Совхоз, говоришь, где-то тут, недалеко?

Я кивнул.

- Да, километрах в двадцати. Но вряд ли там что-то осталось: в начале девяностых, когда я последний раз навещал тётку, он уже загибался. Жаль, конечно - места-то, считай, родные. Купил бы дом в деревне, перестроил бы по своему вкусу, а то и заново отстроил. Камин, банька, книги свои туда перевезу, собаку заведу, сколько лет собирался... Знаешь, о чём я иногда мечтаю?

Толян кивнул и покосился на меня с удивлением - что это Витальич разоткровенничался? Мы, конечно, знакомы не первый десяток лет, но подобные душевные беседы случались у нас нечасто. Ну, не принято это у мужиков, которым далеко за полтинник.

А и ладно. Вот тянет меня сейчас поговорить на такие темы... личные.

- Хочу стать библиотекарем, и обязательно в маленькой библиотеке - в селе или небольшом городке. Когда народу мало, каждого знаешь в лицо, и обязательно - для детишек кружок какой-нибудь вести, исторический или литературный. Понимаешь, тётка как раз библиотекой в клубе и заведовала. Помню, сколько книжек я там перечитал, одна до сих пор дома лежит - старенькое издание Лема, «Записки пилота Пиркса» - потрёпанная такая, из серии «ЗФ», только в картонном самопальном переплёте. Я, помнится, читать её только-только начал, а тут отец из Москвы за мной приехал. Ну, тётка и позволила книжку с собой взять, но чтобы с отдачей. А я так её и зажал.

- Да, было время... - непонятно отозвался Толян. Он встал, выдернул из земли свою персональную «комиссарскую» лопату. Иу что, пошли? Ребята в озёрке что-то непонятное углядели, когда купались перед обедом. Говорят: большое, лежит метрах в двадцати от берега, но неглубоко. То ли прицеп тракторный, то ли телега - они толком не разобрались. Надо бы проверить: а вдруг там танкетка вроде Т-27 или, скажем, сорокапятка? Вполне ведь могли загнать в воду, чтобы немцам не досталась.

– Никакая это не танкетка. – прохрипел Толян, с отвращением сдирая с лица маску для подводного плавания. – По ходу, обычная деревенская телега, только старая. Я колесо нащупал, так оно, не поверишь, со спицами! Толстые, наверное, из дерева. Ей лет семьдесят, не меньше.

Я кивнул. Не уверен, как было до войны, но позже телеги ставили всё больше на автомобильные колёса с резиновыми шинами. И никаких спиц, что характерно...

– А на телеге что? – жадно спросил парнишка-поисковик. Витька говорил, что какие-то тюки нащупал, или ящики.

– А пёс его знает... – Толя пожал плечами. – Там сплошная муть, ничего не видно. Что-то есть, но всё под толстым слоем ила. Вы, вот что...

Он попрыгал на одной ноге, вытряхивая воду из уха.

– Пригоните сюда шайтан-арбу. Попробуем выдернуть эту хрень.

– А не развалится? – усомнился я. – Если давно в воде, то могла и сгнить.

– Не... – Толя избавил от воды левое ухо и принялся прыгать на правой ноге. – Я же говорю: под илом, а в нём дерево хорошо консервируется. А если и разломаем – невелика беда, потом по частям вытащим. Делов-то на рыбью ногу...

– Ты начальник, тебе виднее. – ответил я оглянувшись в поисках подходящего пенька.

Берег озерка, скрывавшего загадочную находку, был сильно заболочен и, чтобы устроиться с комфортом, пришлось сходить в лагерь за раскладной табуреткой и отыскать местечко посуше. А что поделать – возраст, будь он неладен... Толик со своими бойцами, к гадалке не ходи, провозятся тут ещё часа полтора – что ж мне, всё это время на ногах стоять? Так они у меня не казённые, и к тому же, не слишком здоровые. Порванный ещё в студенческие годы мениск к полтиннику стал напоминать о себе с завидной регулярностью, а раздробленная лет пять назад, а потом собранная по кусочкам бедренная кость (удар подкованным на шипы копытом, ага) от него не отставало. Особенно к дождю, который вот-вот

готов был закапать из подозрительно низких серо-свинцовых тучек.

Шайтан-арба (так в лагере именовали Толиков УАЗик, прокачанный под серьёзные внедорожные покатушки) прибыла только через полчаса – оказывается, ребята ездили в деревню за продуктами. Подогнали поближе к берегу, едва не загнав при этом в топкую грязь, вытащили из багажника широкие грузовые стропы – и Толик, матеря, на чём свет стоит, грязь, холодную воду и начавший накрапывать дождь, снова полез в воду. Процесс подготовки к спасательной операции занял не меньше получаса – работать ему пришлось в одиночку, поскольку ещё одной маски для ныряния в лагере не нашлось. Саму буксировку он тоже отказался доверить кому-нибудь ещё: «дернете, рванёте, разломаете нахрен!»

И вот – долгожданная минута! УАЗ рыкнул, провернул здоровенные колёса, и сдвинулся с места. Стropы натянулись, завибрировали, разбрызгивая воду и налипшую грязь, и из воды медленно, словно гнилой зуб из десны, поползло оно.

На первый взгляд наша добыча напоминала неопрятную кучу водорослей, гнилых веток и ила. Поисковики шустро подважили её жердями и уже без помощи механической тяги выволокли на сухое место. После чего – облепили, как муравьи мёртвую жужелицу, и принялись очищать от болотной дряни и гнили.

Да, это оказалась телега. Самая настоящая, деревенская, с бортиками из жердей и на деревянных колёсах. Я мысленно поплодировал Толику. Это надо суметь: при нулевой видимости, наощупь – и так, с ходу, идентифицировать незнакомый объект!

Тем временем из багажника шайтан-арбы извлекли насос, кинули шланг в озерко и принялись размывать ила, покрывавший телегу. Дело пошло быстрее, и минут через пять парнишка-поисковик с радостным возгласом поднял над головой какую-то штуквину. Мы с Толиком сделали стойку одновременно – несмотря на грязь и ошметки водорослей, обильно покрывавшие находку, в ней ясно различались обломок приклада, цевьё и проржавленный, очень ствол.

Всё-таки – эхо войны? Смотри ка, даже дерево частично сохранилось! Прав Толик, прав: болотный ил отлично консервирует всё, что в него попадает.

Поисковики, пришедшие к тому же выводу парой секунд позже нас, дружно издали вопль.

Бинго!

Эхо войны, говорите? Так и есть, только война, похоже, не та. У меня глаза на лоб полезли, когда из под ила под струёй воды возник... нет, не насквозь знакомый мосинский или маузеровский затвор, а нечто вовсе несусветное.

Батарейный ударный замок. Неплохо сохранившийся, поскольку многие его части отлиты из жёлтого металла, скорее всего, латуни. Когда я поскрёб его ножом, обнаружилась выдавленная в металле надпись латиницей. И цифры – «1808».

Я передал находку Толику. Он повертел её в руках и обалдело воззрился на меня. Парни-поисковики тем временем извлекли на свет божий ещё две... нет, не винтовки – солдатские ружья, фузеи, мушкеты. Называйте, как хотите, всё будет верно.

И что же, спрашивается, мы нашли?

Версии возникли сразу же – повылезали, как грибы после дождя. Среди них ярким бриллиантам сверкнула следующая: найденная телега на самом деле, не что иное, как часть знаменитого «золотого обоза» Наполеона, запрятанного, согласно легенде, как раз в этих местах в тысяча восемьсот двенадцатом году, при отступлении французов из Москвы. А что? До Старой Смоленской дороги рукой подать, каких-нибудь полтора десятка вёрст. Супостаты вполне могли найти это укромное местечко и загнать телеги с драгоценным грузом в воду – до лучших времён, которые и не наступили. А клад потом искали двести с лишком лет, до сих пор ищут...

Ясное дело, немедленно возникло предложение вскрыть груз. Его оказалось не то, чтобы много – два деревянных ящика и три тюка, обмотанных верёвками. Пока пацанва пускала слюни на потенциальное сокровище и прикидывала, за какой из предметов багажа браться сначала, я отозвал Толика в сторону.

– Слушай, может не стоит вскрывать, а? Не дай Бог, действительно окажется что-то эдакое... Тут археологи нужны, профессионалы – сам знаешь, иные артефакты оказавшись на воздухе, могут за считанные часы обратиться в труху.

Сказал – и понял, как неубедительно это прозвучало. Какая ещё труха, если речь о золотых окладах икон, старинной золотой же посуде и прочих ценностях, вывезенных «антихристом» из Московского Кремля?

Толик, видимо, тоже это сообразил, но виду не подал.

– Разумно, вообще-то. Только... – он оценивающе глянул на облепивших телегу парней и девчонок, – как моих архаровцев удержишь? Взбунтуются ведь...

Я совсем было собрался подколоть приятеля насчёт дисциплины поисковиков – но один из поисковиков меня опередил, ковырнув ножом самый дольной тюк. Закаменевшая до состояния корки рогожа отслаивалась кусками, и...

Общий вздох – на этот раз исполненный разочарования. Мы подошли поближе. Ребята расступились, освобождая старшим проход.

С первого взгляда стало ясно, что никаким «кладом Наполеона» тут и не пахнет. Содержимое тюка было старательно запечатано в несколько слоёв пожелтевшей до полной непрозрачности полиэтиленовой плёнки. Пока я соображал, как это соотносится с кремнёвыми французскими ружьями, кто-то из поисковиков взрезал полиэтиленовую упаковку и...

Книги. Стопки книг старых, до- и послевоенных изданий. Я взял ту, что была сверху – и при попытке открыть её обложка распалась на части.

Так, собрание сочинений Льва Толстого в четырнадцать томах, год издания тысяча девятьсот пятьдесят третий – у меня дома такое стоит на полке. На корешке – едва различимая цифра «пять». Ясно, второй том «Войны и мира»...

Ребята тем временем принялись разбирать остальные книги, а Толя прикрикивал на них, требуя быть осторожнее. Вполне разумно: не только ветхие переплёты, но и бумага, ставшая за минувшие годы жёлтой, ломкой, так и норовила раскрошиться под нетерпеливыми пальцами поисковиков в пыль. Хорошо хоть,

упакованы книги были на славу – ни капли воды не просочилось внутрь за...

«...и за сколько? Вопрос, что называется, на миллион...»

Добычу раскладывали рядками на извлечённом из шайтан-арбы брезенте и одна из девчонок уже записывала книги в блокнот – крепко вбитая в поисковиков привычка немедленно фиксировать находки. Что там ещё? Ага, том Большой Советской энциклопедии на букву «Н», несколько популярных исторических книжек, по большей части по девятнадцатому веку, школьный учебник по истории, за восьмой класс. В.А. Федосов – я сам по такому учился. И, помнится, как-то вызвал неудовольствие историка, спросив: почему учебник «История СССР», а речь в нём исключительно о событиях девятнадцатого века?

Толстой тоже нашёлся, и из того же собрания сочинений – второй и третий тома «Войны и мира». Четвертого не было – может, в других тюках поискать?

Я повертел в руках отвалившуюся обложку – и застыл, словно получив удар пресловутым пыльным мешком по макушке. Потому что даже теперь, по прошествии стольких лет я узнал штамп на истлевшем бумажном кармашке, приклеенном к обратной стороне. «Совхоз «Знаменский», Дом культуры». И хорошо знакомая подпись, – сколько раз я помогал тёте Даше приводить в порядок библиотечные формуляры и запомнил закорючку, которую она ставила в каждой графе...

Я торопливо открыл другую книгу, постаравшись на этот раз не искалечить обложку. Так и есть: такой же карманчик с читательским листком, тёткина подпись, бледно-лиловый, едва различимый штамп. На третьей – то же самое. И на четвёртой. И ещё... и ещё...

Я отложил последнюю книгу – это оказался «Наполеон» Тарле, издание пятьдесят седьмого года издания, – и тяжело задумался.

Как говаривал медвежонок Пух – «это ж-ж-ж неспроста».

Я протянул кружку прямо над костром – благо, дрова уже прогорели и жёлто-красные язычки огня опали. Девчонка-дежурная зачерпнула половник и доверху

наполнила посуду. Я осторожно, двумя руками, принял – горячо, а уж запах!..

Сухой закон – сухим законом, но народу требовалось снять напряжение. Обнаруженная телега, сумасшедшая версия о «кладе Наполеона» и последовавшее за тем жестокое разочарование – всё это крепко ударило по нервам нашего сплоченного коллектива. К тому же имелся и другой повод, вполне комильфотный: у двоих ребят-поисковиков днюхи, и по этому случаю решено было позволить небольшое послабление в плане горячительных напитков. Так что пришлось мне варить свой фирменный глинтвейн – ритуал, без которого до сих пор не обходится не один из выездов. Красное, лучше крепленое, вино, корица, гвоздика, сахар. Два выжатых и нарезанных лимона, яблоко, тоже мелко настроганное, а под конец – полкружки водки на кан, чтобы восполнить утерю градусов. И, штрих мастера: опустить в ещё не закипевшую жидкость марлевый мешочек со свежей, слегка перетёртой хвоей. Аромат от этого получается умопомрачительный, сугубо лесной...

Устроившийся напротив парень отхлебнул из своей кружки и потянулся за гитарой. Взял пару аккордов, подкрутил колки и запел:

«...И вновь над головой костер качает дым,

Бредет сквозь лес в обнимку с песней тишина.

А мы идем искать ровесников следы,

Которые на полстолетья старше нас...[2 - Арон Крупп, 1966 г.]»

Неформальный гимн поисковых отрядов, без которого не обходятся ни одни подобные посиделки. Будут, конечно, и другие песни – и из репертуара подзабытых бардов-шестидесятников с неизменными Визбором и Городницким, и популярный среди нового поколения Калинин с его навязчивой танкофилией. Или вообще что-нибудь ролевое, про мечи и эльфов с прочими орками. Но сначала – вот это. Всегда. Традиция, аднака...

«...Им больше не стареть, и песен им не петь,

И что на сердце, никому не высказать.

Последние слова наткнулись на свинец,

Да не над всемиobeliski высятся.

Над ними то дожди, то ветер ледяной,
И быль в летах сплетается с легендами,
Ребят не воскресить ни бронзой орденов,
Ни песней, ни муаровыми лентами...»

Поисковики слушают, затаив дыхание. Многие подтягивают, порой невпопад, неумело. Не страшно – отлично идёт, особенно под кружку горячего глинтвейна и ломоть поджаренного на прутике бородинского, от души сдобренного крупной, с чёрными перчинками, солью.

Толик подтолкнул меня локтём в бок.

– А мы, помнится, пели «на четверть века старше нас...» – прошептал он.

Я подумал и мотнул головой.

– Не, только в первом куплете. А в последнем – уже «на полстолетья». Песня-то когда ещё написана...

– Да, в середине шестидесятых, точно... – Толик без перехода сменил тему. – Слушай, насчёт книжек этих – что думаешь?

– Что тут думать? Не знаю. Когда будешь в райцентре – попробуй пошарить по архивам, может, чего отыщешь.

Толик уныло кивнул. Совет из разряда «поди туда, не знаю куда» – веско, убедительно и совершенно бесполезно. Поиск в архивах хорош, когда хотя бы примерно представляешь, что тебе нужно. А тут – что искать? Сведения о передаче части книжного фонда из библиотеки ДК совхоза «Знаменский» кому-нибудь ещё?

И вообще – не книги сейчас интересовали каждого из поисковиков. Им-то ещё можно найти объяснение: в конце концов, совхоз действительно недалеко, и мало ли куда они могли их отправить? А вот ружья времён наполеоновского нашествия – дело совсем другое. Помнится, в тёткином ДК был крошечный

краеведческий музей, но там, по большей части, экспонаты, относящиеся к периоду Великой Отечественной...

«... А им хотелось жить семи смертям назло,
Семь раз не умирают – дело верное,
Вперед! – и встали в рост, и шли на танки в лоб
С винтовкой образца девяносто первого.

Нам в памяти хранить простые имена,
Ни временем не смыть их, ни обманами,
Нам в памяти хранить и чаще вспоминать.
Ровесники, не быть вам безымянными...»

Песня закончилась. Я встал, хрустнув суставами – годы, чтоб их...

– Пойду, пройду. Что-то мне слегка не по себе...

– Опять сердце? – забеспокоился Толик, который был в курсе моих диагнозов –
Может, нитроглицерину? Я сейчас сбегая... Или, хочешь, с тобой?..

Я помотал головой.

– Ерунда, глинтвейна, наверное, перебрал. Посижу на берегу, проветрюсь – и
вернусь. А ты оставайся тут, с ребятами, незачем за мной ходить.

Неприятности начались, стоило мне устроиться на табуретке, на том самом
болотистом бережку, неподалёку от вытащенной на берег телеги. Сначала
сердце заколотилось в диком и каком-то рваном темпе. Руки и ноги онемели,
перестали слушаться, в ушах нарастал навязчивый звон, перед глазами поплыли
чёрно-красные круги.

«...Инсульт? Дурак, отказался от компании Толика, так и помрёшь теперь в
одиночестве...» – успел подумать я, когда звон стал оглушительным, и...

...просто кресло, и я в нём сижу. Не кожаное – плюшевое, старомодное, судя по подлокотникам. Удобное, но в меру, располагает не к отдыху, а к работе. Стены комнаты – мутносерые и их как бы... нет, что ли? Серая муть твердеет шагах примерно в пяти-шести от кресла, но определить, границу этого «твердения» на глаз не получается – глазу попросту не за что зацепиться, поскольку нет ни углов, ни плинтусов, ни потолка.

«...подойти, пощупать?..»

Я попробовал носком ботинка пол. Вроде, твёрдый...

Но – вставать не стал и никуда не пошёл. Что-то подсказывало: ничего из этого эксперимента не получится. Не в смысле – «ничего хорошего», а просто ничего. Как схожу, так и вернусь.

А раз так – стоит ли пытаться?

Видимо, я, в самом деле, перестал соображать. И единственная осмысленная фраза, пришедшая мне в голову, была позаимствована из одной давным-давно прочитанной фантастической книги, герой которой оказался в похожей ситуации.

– Ну и что дальше?

И несколько не удивился, когда мне ответили.

– Дальше вы должны будете выполнить некое задание, связанное с перемещением вашей уникальной личности в прошлое. В чём это задание, будет заключаться – вы узнаете, только оказавшись на месте.

Голос был прозрачный, безликий, бесполой даже – и он шуршал, словно струйка песка, сыплющаяся на источенные песчаными бурями каменные плиты. Прямо скажем – не самый приятный голос.

- Вот прямо так-таки должен? Интересно знать, с какого перепугу?

Да, я понимаю: звучит по-идиотски. А что остаётся? Только отбрёхиваться, да тянуть время, давая своей изрядно ошарашенной натуре собраться с мыслями. Или хотя бы просто прийти в себя, дождавшись, когда развеется эта странная галлюцинация, словно пришедшая из читанных некогда книжек.

«...в самом деле, что происходит-то? Вроде и не пил... сверх меры?..»

- Следует, вероятно, объяснить, как мы вышли именно на вас. Всё достаточно просто: запустили встречный поиск по биографиям, психо-матрицам и аурам сознания. И в результате обнаружили вашу уникальную личность.

Тут уж удержаться было невозможно.

- То есть, получается, что я как бы избранный?

Да, тупо. Да, мелодраматично сверх всякой разумной меры. Но... вот вы на моём месте - что бы ответили? То-то...

- Скажем так: из доступных нам кандидатов вы - самый подходящий по большинству ключевых параметров.

- Значит, есть и недоступные... кандидаты?

Голос не ответил. Но я и сам сообразил, что сморозил глупость.

- Ладно, проехали. С заданием, как вы уже сказали, я буду ознакомлен уже там. Скажите, а куда я попаду? Ну, хотя бы в самых общих чертах? Время, место...

Думаете, я немедленно отринул сомнения и начал воспринимать весь этот бред всерьёз? Как бы ни так! Но... надо же что-то отвечать? Какую-то секунду я рассматривал два варианта: «Трам-пам-пам» и такая вот глубокомысленная реплика. Это не считая вполне уместных в подобной ситуации нецензурных конструкций, которыми так богат великий и могучий...

– Вы можете не верить, но мы и сами этого не знаем. Структура пространства времени сохранила своего рода след того, первого – и мы отправляем вас за ним. Одно можно сказать твёрдо: вы окажитесь там и тогда, где вы заведомо сможете произвести воздействие, необходимое для выполнения полученного вами задания.

Ах вы, стереотипы мои... а что делать, если ситуация такая... стереотипическая? И бредовая?

– Воздействие, значит? МНВ?

– Что, простите? Какое МНВ?

Впервые в песчаном голосе прорезалось нечто человеческое, а именно – недоумение. Н-да, а Азимова-то они тут, выходит, не читали...[3 - Отсылка к роману Айзека Азимова «Конец Вечности».]

– Это... мнэ-э-э... из нашей фантастики, довольно близкий пример. Долго объяснять.

– Вот видите, а вы ещё удивляетесь, почему выпала именно ваша кандидатура.

Я слегка обалдел – словно идиотизма происходящего и без того недостаточно.

– Неужели из-за фантастики?

– И из-за неё тоже. Хотя и не только.

А ведь я несу всё это на полном серьёзе. Ну, не на полном... почти. Защитная реакция разума? Или всё проще: меня накачали чем-нибудь психотропным, прежде чем засунуть в эту мутно-серую камеру? А что, вариант...

От этой мысли сразу сделалось легче. Хорошо, когда есть объяснение – пусть даже и такое.

«...что-то ещё было... какая-то заноза...»

– Вы дважды употребили термин «уникальная личность». Следует ли это понимать, что я окажусь... там, где окажусь, не в нынешнем своём теле?

– Именно так. Правда, угадать, в каком именно, мы не можем.

– А что вы вообще можете, в таком случае?

Снова пауза. Долгая, выматывающая. А может, это я просто неведомый препарат перестает действовать?

– Мы можем ознакомить вас с сутью вашей миссии. Правда, лишь в самых общих чертах.

«...нет, не перестает. Наоборот, вштыривает по полной...»

– Я весь внимание.

– Вам предстоит устранить угрозу угасания мировой линии, на которой вы в данный момент пребываете. Вам знакомо понятие «точки бифуркации»?

– Разумеется, знакомо.

– Отлично, значит, будет легче объяснить.

Я вдруг поймал себя на том, что на протяжении всего этого бредового диалога гляжу прямо перед собой, в одну точку – в которой нет ничего, кроме серой мути.

Я медленно, очень осторожно повернул голову – направо, потом налево. Н-да, а смотреть здесь, и в самом деле, не на что...

– Под мировой линией мы имеем в виду существующую историческую последовательность. Дело в том, что одна из ключевых точек бифуркации может в ближайшей перспективе подвергнуться целенаправленному воздействию, что кардинально изменит весь ход дальнейших событий. Что, в свою очередь, приведёт к полной и окончательной ликвидации существующей мировой линии.

– Ликвидации? – я сразу уловил ключевое слово. – То есть мы просто исчезнем?

– Не совсем так. Личности всех людей, находящихся на действующей мировой линии сольются с их «двойниками» на той, которая станет актуальной потом. А вот воспоминания, приобретённые в нашей нынешней ипостаси, исчезнут без следа.

«В нашей»? Интересная проговорочка, многозначительная, запомним. Но всё равно – что-то тут не то. Какой-то логический заусенец...

– Вы хотите сказать: у каждого человека имеется на другой линии свой аналог? Но как же быть, если, к примеру, изменение привело к тому, что его предки не появились на свет? Или не встретились, не завели детей?

Пауза.

– В данный момент лучше не углубляться в подобные тонкости. Скажем так: мы и сами не до конца в этом разобрались. Знаем только, что инициаторы данного мероприятия способны защитить себя и ещё некоторое количество личностей от последствий произведённого воздействия.

– Я же говорю – МНВ. В Вечность их заберут, или ещё что-нибудь в том же духе...

– Куда, простите, заберут?

– Забудьте, я всё о своём, о фантастике. Вы, как я понял, не можете защитить себя таким же образом?

– Не можем. Но, даже если и могли бы – наша цель состоит не в спасении собственных личностей, а о предотвращении самого изменения, как такового. И вы нам в этом поможете. Мы же, в свою очередь, в случае успеха вашей миссии, вернём вас в исходную точку.

– В исходную? Это... да, понятно. Скажите, я могу не согласиться? То есть – отказаться выполнять ваше задание?

Снова пауза.

– А вы, и правда, хотите это сделать?

«...насквозь видят, мер-рзавцы! А что тут ответишь?..»

– В таком случае, не будем терять времени. Закройте, пожалуйста, глаза и постарайтесь не шевелиться. Никакой опасности вашему организму или психике перенос личности не несёт, но это поможет вам избежать некоторых неприятных последствий.

Ну вот, разговорам конец. Оставалось только крепко зажмуриться и судорожно, до боли в костяшках пальцев, вцепиться в подлокотники кресла. Ну их, эти «неприятные последствия», обойдёмся.

«...а ведь как хорошо всё начиналось...»

III

...серая мгла пропала, словно её не было вовсе. Пропало и кресло – во всяком случае, пальцы, судорожно тискавшие подлокотники, сжимали теперь пустоту. Чувства милосердно отключились, и это было хорошо: я получил такие нужные мне остро полминуты, чтобы хоть как-то осмыслить ситуацию. Ни звука, ни единого кванта света не попадало из окружающего мира. И только пятая точка подсказывала, что вместо сгнувшегося сидалища (а какое мягкое было, удобное! Вот уж действительно: не ценим, то, что имеем...) теперь под ней, любимой, что-то другое. Твёрдое? Определённо, так. Лавка? Табурет? Жёстких рёбер, характерных, скажем, для металлических сидений в вертолёте или военном транспортнике, вроде, не ощущается. Да и тряски нет – всё прочно, надёжно. Неподвижно, одним словом.

«...значит, и я никуда не двигаюсь? Что ж, и на том спасибо...»

Что за бред, а? Не о том надо думать.

А о чём? В голове пусто, хоть шаром покати.

...шаром в шаре...»

Значит, это и есть обещанные мне «неприятные последствия»? Если да – тогда, ваша правда, радости мало... хотя я, вроде, старательно зажмурился?

«...или нет?..»

Мне что-то говорили? Убеждали выполнить какое-то задание, предупреждали о супостате, которому обязательно нужно помешать, иначе...

«...что – иначе? Хоть убейте, не помню. Воспоминания растеклись вместе с серым туманом, оставив по себе клочки невнятных образов, отдельные слова, обрывки фраз. И – где-то на границе разума и чего-то другого, глубинного – понимание...»

Что, ничего больше не будет? Вот совсем? Я, Толик, подмосковный лес, мой так и не построенный деревенский дом – сольются неизвестно с чем, перестанут быть? А вместе с ним – память, радость, горе, сожаление и – счастье, от того, что это было в моей жизни? И то же самое постигнет всех – каждого человека на этой маленькой зелёной планетке? Хотя, сама-то планета уцелеет, что с ней сделается...

Или – сделается? Вопрос. А ответа я не узнаю в любом случае. Это так не работает.

Ни звука, ни самой крошечной светлой точки. Я словно замер, изображая из себя соляной столб, на пороге двери распахнутой из одного нигде в другое, и лишь в самой-самой глубине – нет, не звучит, отдаётся невнятным, полузабытым эхом песня ребят-поисковиков:

«...а мы идем искать ровесников следы,

Которые на полстолетья старше нас...»

«...и этого тоже не будет?..»

Нет. Мы так не договаривались. И вообще, с чего я взял, что они – кто бы ни были эти самые «они» – сказали мне правду? Или нет, не так: с чего я взял, что они сказали мне всю правду? Могли ведь, и умолчать о чём-то. Деликатно так

умолчать и, что характерно – для моего же блага. Как они сами его понимают, разумеется.

«...ещё бы вспомнить, что именно они успели наплести, пока я просиживал задницу в той серой мути...»

Это и была скамейка. Сосновая, и явно не из «Икеи» – выкрашена масляной краской в цвет, который принято уклончиво именовать «детской неожиданностью». Скамейка вместе ещё с тремя точно такими же стояла, образуя полукруг, перед печкой-голландкой – чугунная дверца топки распахнута настежь и слышно, как внутри гудит пламя. Значит – тяга отличная, да и дров тут не жалеют. Вон они, сложены аккуратной горкой на стареньком верёвочном коврикe рядом с кочергой и железным, на длинной ручке, совком для золы. Других источников света в комнате нет – маленькие окна занавешены пёстрыми, в цветочек, тряпками, одинокая лампочка в жестяной тарелке под потолком не подаёт признаков жизни.

– Никит, знаешь, за что Онегин застрелил Ленского? – спросил кто-то справа. – За то, что держал тару!

Смех. Ребята и девчонки сидят на лавочках и радостно гыгыкают в ответ на бородатую шутку. Я обалдело смотрю на собственные руки: в одной большая, бутылка тёмно-зелёного стекла – «огнетушитель» ноль-семь литра, с рыжей этикеткой, на которой значится «Портвейн белый «Агдам». В другой – стакан. Гранёный. Край сколот, и надо быть осторожнее, если не хочешь порезать губу.

Стоп... какой ещё «Агдам»? В последний раз я пил эту бормотуху в самом начале девяностых, после чего она сразу и навсегда пропала с московских прилавков.

Словно во сне набулькиваю в стакан мутно-жёлтой жидкости примерно на две трети и пускаю вожделенную тару дальше, по кругу. Попутное наблюдение – руки не мои. То есть, мои, вон, даже рубец на тыльной стороне ладони, полученный классе в девятом на уроке труда на месте – и всё же не мои. Слишком молодые, слишком свежая кожа, слишком мало на ней шрамов, уже других, приобретённых за следующие лет тридцать с хвостиком...

«...за тридцать? Позвольте, а сейчас-то мне сколько? И кто эти люди, что сидят рядом, хлещут гадостное азербайджанское пойло и весело ржут над незатейливыми шутками, бородами, что твой дядька Черномор?..»

– Кто «Агдам» сегодня пил, тот девчатам будет мил! – объявляет под всеобщий смех сосед слева. Судя по горбтому монументальному носу и явственному акценту – сам уроженец солнечного Закавказья.

Да ведь я его знаю! Ну конечно: Рафик Данелян, с которым я пять лет кряду просидел в одной аудитории – сейчас ему на вид лет двадцать, не больше.

«...помнится, Рафик был на год старше. Значит, мне сейчас?..»

На этом сюрпризы не заканчиваются. Какое там! Напротив скалится во все тридцать два белоснежных зуба Далия. Она из Алжира, учится в Союзе, как и её соседка Матильда, гостья из солнечной из Болгарии. В сердце что-то ворохнулось и замерло – нет, не время, потом...

Рядом с девушками с комфортом устроился наш комсомольский вожак, секретарь комитета комсомола курса. В руках у него, конечно же, гитара, и он, конечно же, пытается всучить её соседу справа – тот упирается, поскольку руки заняты ещё одним «огнетушителем» и жестяной эмалированной кружкой. Впрочем, сопротивление долго не продлилось: хлебнув от души животворного напитка, но взял гитару и завёл «Лыжи у печки стоят».

Кстати, лыжи тоже есть: солидная их охапка стоит в углу, и на одной из пар, красных с белой полосой и надписью «Karjala», крупно, неровными буквами выведено «спорт. каф.» и одинаковые двузначные номера. Институтский инвентарь выданный для похода, ага... Рядом пучок лыжных палок – таких же допотопных, с железными кольцами на брезентовых ремешках. Тоже, надо полагать, казённое имущество.

За лыжами, которые у печки, следует бодрая «Вот это для мужчин – рюкзак и ледоруб», потом «Кожаные куртки» – а чего ещё ждать от нашего покорителя вершин и ледников? Тем не менее, с удовольствием подтягиваю, на миг отодвинув в сторону собственные проблемы. Когда-то я и сам пел эти песни – и у костра, и вот так, на вечерних посиделках.

– Никита, пшепрашем, спой...

Гитару мне в суёт Гжегош, наш третий иностранец, студент-поляк из Гданьска.
Ну, раз уж люди просят...

Понятия не имею, почему я выбрал именно эту песню. Может, дело в том, что попросил спеть именно Гжегош?

«... А если нет границы, вам нечего беречь

Танкетка польская ползёт улита,

Последние приказы, двоюродная речь —

И эта Речь зовется Посполита...»

Быстрый взгляд налево, на поляка – челюсть у того медленно отвисает.

«...не ожидал? Если честно – я тоже...»

«... Флажок ваш красно-белый, что тот кровавый бинт

Жолнеров не спасает Матка Боска

Что не заводишь, лётчик, своей стрекозки винт?

Пора взлетать, но жить, наверно, поздно...»

«Сон о Польше» Марк Мерман напишет только ещё лет через... я даже не знаю, сколько. Сам я, если память не изменяет, услышал эту песню году эдак в две тысячи пятом-шестом. Остальных тоже проняло – замерли, не издают ни звука, и даже об «Агдаме» забыли.

«Заменят все названья, заменят имена

И паспорта заполнят по-вестфальски

Вы, отступив, на стенах оставьте письма

И ноты полонеза или вальса...»

Удивление Гжегоша мне понятно: одно дело «Агнешка» Окуджавы, где отношение поэта к не самым простым моментам польской истории замаскированы симпатиями к певице Агнешке Осецкой, и совсем другое – вот это.

"...блинский нафиг, нашёл время музицировать! Впрочем – почему бы и нет?.."

Я передаю гитару дальше по кругу, тянусь к стакану – и тут меня накрывает. Я единым духом опрокидываю в себя «Агдам», ухитрившись при этом не порезаться, и крепко, на этот раз по собственной инициативе, зажмуриваюсь.

«...я что, уже там? Так предупреждать надо...»

И, словно лёгкое дыхание ветра возле уха:

«...а то тебя не предупредили!..»

«...Нет, это уж точно глюки. Или я попросту, без затей, спятил?..»

Решительно отбираю у Рафика огнетушитель – это дело срочно следовало немедленно осмыслить. Единственно доступным в данный момент способом.

...конечно, я вспомнил этот поход. Сразу, и своей собственной памятью – ходя, поди, разбери, которая её часть принадлежит мне-первому, студенту – а которая мне-второму, пришельцу из двадцать первого века? Как-никак, воспоминания, те, что датируются раньше текущего момента, общие – а значит, и проблемы, как таковой, нет. Считаю для простоты, что этот блок воспоминаний... скажем так, обновился. Перезагружен.

Так понятнее? Мне, признаться, не очень.

Странно было оказаться здесь снова – помнится, когда я в той, прошлой жизни, в последний раз приехал сюда, от старого совхозного ДК осталась только пустая, выгоревшая изнутри коробка. Пожар, как мне рассказали, случился годом раньше. Тётя Даша умерла, не выдержала крушения дела всей своей жизни. Я торопился, надеялся успеть на похороны – и опоздал всего на два дня...

Я не стал задерживаться ни на один лишний час. Зачем – если всё, что привлекало меня сюда, стало остывшими угольями на пепелище, а единственный родной человек лежит на поселковом кладбище под невысокой цементной пирамидкой с жестяной звездой?

Но – к делу. На дворе декабрь семьдесят девятого. Год до обещанного Хрущёвым коммунизма, вьетнамо-китайская война началась и закончилась, советский ограниченный контингент уже в Афганистане, Высоцкий ещё жив, в следующем году состоится Олимпиада-80.

Это здесь пресловутая «точка бифуркации»? Если да – то у меня, признаться, фантазии не хватает вообразить, что я могу тут сделать...

Я – это Басаргин Никита Витальевич, студент второго, курса. А поход – не что иное, как способ по-быстрому заработать зачёт на кафедре физкультуры и спорта, куда я в течение этого семестра наведывался удручающе редко. Организация похода и засчитывается, как посещения занятий за весь семестр – поскольку именно я проложил маршрут, собрал группу (пять ребят и три девчонки – плоховато с модным в иные времена гендерным равенством) и главное – договорился с тётёй Дашей о том, что её ДК послужит нам в качестве центральной точки маршрута. А заодно, места, где можно без помех справить подступающий Новый Год. Впереди у нас, как и у прочих студентов Страны Советов, сессия с её неизбежной зубрёжкой и нервотрёпкой, так что некоторая передышка лишней точно не будет.

Нет, старший в походе не я. Его нам назначили от кафедры – собственно, такой же, как и мы, студент, только на два курса старше. Он занимается в институтской альп-секции – в силу чего относится к нам, чайникам, свысока: кормит туристическими и альпинистскими байками, кое-как бренчит на гитаре и, не стесняясь, спихивает на нас любую работу. Это было бы ещё терпимо, начальство есть начальство, если бы обаяшка-альпинист не был уверен в своих исключительных правах на внимание всей женской части нашего маленького коллектива. В тот раз дело, помнится, дошло даже до лёгкого мордобоя – неотразимый «руководитель» решил подкатиться к Мати, с которой у нас как раз кое-что начало складываться, и с первой же попытки получил по физиономии. Причём, сначала от неё, потом уже и от меня.

Мати, Мати... да, я осознаю, что попал сюда не для того, чтобы расчёсывать ностальгические болячки – но что делать, если, поймав взгляд её тёмно-

ореховых глазищ, я ощутил, как сердце бешено заколотилось и колени сделались ватными?

Ладно, с этим будем разбираться позже. Сегодня, если верить календарю, стоящему на тётки Дашином столике – тридцать первое декабря. На дворе темень, в большом сугробе напротив крыльца торчит ёлка, украшенная самодельными бумажными гирляндами и игрушками, взятыми из запасов клуба. Предполагается, что, послушав по старенькой ламповой радиоле «Урал» бой курантов, мы устроим вокруг неё праздничные пляски. Соорудили во дворе мангал из ржавой железной решётки и кирпичей. Раскочегарить его предполагается позже – под «Агдам» и чачу (трёхлитровую банку с этим напитком, гостинец из родного Степанакерта Рафик захватил с собой) жареные на углях сосиски и хлеб должны зайти на «ура»...

А пока – в помещении библиотеки тихо и уютно. На стенах молчат портреты Белинского, Достоевского, Лермонтова и Пушкина; белеет в «красном углу» гипсовый бюстик Ленина. Из-за приоткрытой двери на дощатый пол падает колеблющаяся полоска тусклого света, несутся голоса – предновогоднее «застолье» в разгаре. Мне туда... не то, чтобы не хочется – просто я ещё не готов. Надо собраться с духом, привести в порядок воспоминания – тогда можно и присоединиться к остальным.

Я медленно прошёл между стеллажами. Полки, плотно уставленные книгами; то тут, то там между корешками торчат куски картона с большими буквами алфавита. Я бездумно провёл пальцем по разноцветным корешкам – и словно запнулся. Болотно-зелёный коленкор, потускневшее золотое тиснение: четырнадцатитомник Льва Толстого! Четвёртый том, пятый шестой... Седьмой я вытащил – именно его не хватало на извлечённой из того лесного озера телеге. Всё правильно, карманчик на месте, как и читательская карточка, сплошь исписанная датами и фамилиями. Граф Толстой явно пользуется у посетителей клуба популярностью. Или дело в том, что «Войну и мир» проходят по школьной программе?

– Никит, ты где пропал, да? Пять минут до Нового Года!

Дверь скрипнула, на пороге возник Рафик Данелян. Я кивнул, попробовал воткнуть книгу на место – неудача, ряды болотно-серых переплётов сомкнулись в несокрушимую шеренгу, словно гренадеры Пьера Камбронна при Ватерлоо.

- Ну, чего ты там копаешься?

- Да, Рафик-джан, уже!

Сую книжку за пояс (зачем? А кто меня знает? Машинально.) и иду к двери.

...звон курантов, несущиеся из динамиков «Урала», обрезало на половине: только что он заполнял всю комнату, и вдруг – треск, шипение, вой атмосферных помех. Комната тоже изменилась – солнечные лучи словно мокрой тряпкой со школьной доски стёрли со стен и лиц тускло-оранжевые отсветы печного огня.

- В чём дело?

Прежде чем кто-то из ребят успел пошевелиться, Гжегош вскочил – и раздвинул, едва не оборвав, занавески.

- Пся крев, что такое?..

Нечасто увидишь, как у человека глаза в самом буквальном смысле лезут на лоб – но сейчас этот фокус проделали мы все.

Бездонное, лазурное небо с редкими, словно лёгкие мазки гуашью, облачками. Напротив окна, сразу за покрытым непролазными сугробами двориком ДК, там, где раньше едва угадывалось в снежной пелене занесённое по самую крышу силосохранилище – стена тёмного елового леса. И зелёная, по-летнему пыльная трава на противоположной обочине жёлтой сельской грунтовки.

В глубокой, какой-то первобытной тишине было слышно, как тихо охнула, вцепившись в локоть алжирке, Мати. Рафик повернулся ко мне – смуглое лицо армянина сделалось серым и покрылось крупными каплями пота.

- Никита, ахперес[4 - (арм.) – брат, братан, братишка.]... ты что-нибудь понимаешь, кунац меймун?[5 - нехорошее армянское ругательство.]

Мне оставалось только пожать плечами. Потому что вот теперь я на самом деле там!..

IV

Восемнадцатого августа одна тысяча восемьсот двенадцатого от Рождества Христова года авангард Grande Armee[б - (фр.) – Великая Армия.] занял без боя Вязьму. Наполеон остановился здесь на ночь, заняв большой двухэтажный дом купчихи первой гильдии Гайдуковой в восточном предместье города. Проходящие через Вязьму войска видели императора в окружении свиты, сидящем на стуле в палисаднике дома, где он вёл разговор с русским дворянином. Двадцатого августа, генерал от инфантерии Кутузов, всего три дня, как утверждённый Чрезвычайным комитетом на должность главнокомандующего, прибыл в сельцо Царёво-Займище и принял командование над объединённой армией. И в этот же день поручик Никита Ростовцев получил письмо из родительского имения под Вязьмой.

Эскадрон Сумского гусарского полка, где он состоял в должности ротного командира, сутками раньше побывал в деле у деревни Лубино – в составе арьергардного заслона генерала Тучкова-первого, отбивавшего натиск корпуса маршала Нея.

Впрочем, «побывал в деле» – это, пожалуй, громко сказано: весь день «серые гусары» простояли во второй линии, не имея малейшей возможности отличиться. Николай с прочими офицерами эскадрона отчаянно завидовал мариупольцам – те ходили в атаку на французскую пехоту, и хвастали, что вырубили дочиста целый батальон.

Дело, уже получившее название «битва у Ватутиной горы», закончилось для русских, скорее, неудачей. Генерал Тучков, возглавивший уже при лунном свете атаку екатеринославских гренадер, получил штыковую рану и попал в плен. Тем не менее, потери французов превысили наши почти вдвое – восемь с половиной тысяч против пяти, – и отряд отступил в полном порядке, дав первой Западной армии Баркляя-де-Толли достаточно времени для отхода за Днепр. Сумцы же, находясь в резервах, сохранили силы и людей и лошадей, вследствие чего были отправлены вперёд отряда, в Царёво-Займище – куда и прибыли наутро следующего дня.

Селение, как и раскинувшийся вокруг воинский лагерь, кишели людьми, словно лесной муравейник его крошечными обитателями. Сновали туда-сюда адъютанты, суетились ординарцы с вестовыми, ежеминутно прибывали и отправлялись курьеры с пакетами и устными распоряжениями. Новый главнокомандующий третий час заседал в самой большой избе со своим новым штабом. Генерал-квартирмейстером всех армий стал Вистицкий-второй, его помощником – Толь. На должность начальника штаба после недолгих колебаний определили генерала от кавалерии Бенигсена, а дежурным генералом, непосредственно распоряжавшимся всем тем хаосом, что творился во временной штаб-квартире, был назначен генерал от инфантерии Пётр Кайсаров. От его адъютанта Ростовцев и получил заветный, кремовой бумаги, конверт – и оставалось только удивляться, как послание не сгнуло во всеобщей суматохе. Видимо, роль сыграло то, что отец поручика, отставной драгунский полковник Андрей Ильич Ростовцев приятельствовал с Кайсаровым, и тот отнёсся к корреспонденции старого товарища с особым пиететом.

Вскрыв конверт, поручик трижды прочитал письмо. Задумался на некоторое время – после чего, поручив денщику спешно готовить лошадей, отправился напрямиком в палатку полкового командира полковника Делянова.

– Да вы, верно, обезумели, граф! – полковник озадаченно смотрел на посетителя. Пяти часов не прошло ещё, как мы прибыли сюда, а вам снова неймётся! А коли будет приказ к выступлению – как потом станете догонять эскадрон?

– Абнакнавенно, как говорят мои гусары. – усмехнулся в ответ Ростовцев. – Верхом. Да и не будет никакого выступления, Давид Артемьич. Я это наверное знаю – адъютант Кайсарова, который передал мне письмо, говорил, что мы простоим в Царёво-Займище ещё дня два. За это время я вполне успею сгонять до Бобрищ и вернуться назад.

– Бобрищи – это имение вашей семьи? – осведомился эскадронный командир.

– Деревенька, триста душ. Отец унаследовал её в седьмом году, после смерти двоюродного дяди. Полгода назад он перебрался в дядину усадьбу – приглядеть, привести всё в порядок. Дело, оно ведь хозяйского глаза требует, всего на управляющего не скинешь... Он и матушку с сестрой с собой перевёз – что им одним в ростовском имении мыкаться? Здесь же новые соседи, знакомства... жизнь, одним словом.

– А тут Бонапарт... – понимающе кивнул Делянов.

– Да. Отец, участник итальянского похода графа Суворова, и мысли не допускал, что неприятелю позволят так далеко проникнуть в пределы России, и до последнего тянул с отъездом. А когда пал Смоленск и стало ясно, что надо бросать всё и как можно скорее уезжать – его, как на грех, разбил ишиас. Вот он и написал мне: «приезжай, мол, срочно, помоги вывозить мать и сестру, я один, да с прострелом в спине, не справлюсь...»

– Ну, раз так... – эскадронный командир задумался. – Семью, конечно, надо вывезти. Говорите, Бобрищи эти ваши недалече?

– Двадцать пять вёрст, просёлками выйдет все тридцать. На свежих лошадях в полдня доберёмся.

– Что ж, голубчик, отправляйтесь. Только... – он ненадолго задумался. – в одиночку всё же вам ехать не след. Мало ли что случится?

С вашего позволения, господин полковник, корнет Веденякин и прапорщик Вревский вызвались меня сопровождать.

– Команду на кого оставите?

– На корнета Деева, это мой субалтерн. К тому же, в полуэскадроне толковый вахмистр, вдвоём справятся.

– Ну, раз так, то Бог вам в помощь. Только осторожнее, по окрестным деревням рыщут шайки мародёров. Мужичков здешних тоже стоит попастись – были уже случаи, когда они не только французских фуражиров, но и барские усадьбы разбивали, чтобы потом всё на супостата свалить.

– Наши, бобрищевские мужики не такие. – заспорил поручик. – Они дядю-покойника любили, да и батюшка мой был к ним добр. Барщину похерил, всю деревню перевёл на лёгкий оброк и много ещё нововведений полезных задумал, прежде, чем француз заявился.

– Все они такие, поручик. – Делянов невесело улыбнулся. – Вы молоды, не чужды некоторого идеализма – а я, поверьте, разного в жизни насмотрелся. Ну да ладно, ступайте, только Христом-Богом вас молю – осторожнее! Не хватало ещё нарваться как-нибудь глупо...

В три часа пополудни маленький отряд поручика Ростовцева покинул расположение части и на рысях двинулся по Смоленской дороге к западу. Миновали арьергардные заслоны, помахали рукам донцам из казачьего полка Иловайского, и через две версты свернули на просёлок, ведущий на юг, к большому селу Вырубову, известному по всей Смоленщине торговлей юфтью. Оттуда, тоже просёлками, поехали на запад, в сторону Бобрищ.

В «вылазку» отправились впятером. Сам Ростовцев, корнет Веденякин, шестнадцатилетний безусый юноша, только неделю, как прибывший к эскадрону, и прапорщик барон Вревский. Урождённый австриец, чей титул был подтвержден в пределах Российской Империи указом Государя от 1808-го года, отбилсЯ от своего полка при отступлении от Смоленска, пристал к сумцам и, не желая сидеть без дела, напросился с поручиком, к полуэскадрону которого был временно приписан. Кроме них, в маленький отряд входили денщик Веденякина и ординарец самого Ростовцева; последний, сорокалетний седоватый вахмистр с висячими на венгерский манер усами, которого Ростовцев уважительно именовал Прокопычем, вёл в поводу косматую, как дворовой пёс, калмыцкую лошадку, навьюченную всяким необходимым припасом.

Вооружились основательно: у каждого пара пистолетов в ольстрах и сабли. Вревский прицепил на панталер драгунское ружьё; у самого же Ростовцева вместо положенного по штату карабина – их ещё в начале кампании было велено сдать для спешно создаваемого ополчения – имелся трофейный французский тромблон с бронзовым, заканчивающимся раструбом стволом для стрельбы крупной дробью.

По совету полковника все пятеро переоделись в нестроевое, надеваемое обыкновенно на биваках платье – рабочие, перешитые из ношенных доломанов, куртки, полотняные штаны, белые, похожие на картузы, фуражные шапки да лёгкие плащи-пыльники из парусины. От обычного гусарского великолепия на виду оставили только вальтрапы с вышитым императорским вензелем. У офицеров душа не лежала прятать мундиры в саквы, но, здраво рассудив, они признали правоту эскадронного командира. На просёлках, вдали от Смоленского

тракта имелся немалый шанс нарваться на мужичков, подкарауливающий неприятельских фуражиров – а те не станут разбирать, французские мундиры на объектах их интереса, или наоборот, русские. Увидят расшитые шнурами ментики и кивера с репейками и этишкетами – и за вилы. Доказывай потом, что ты свой...

Ехали скоро, чередуя строевую рысь с шагом, чтобы не изнурять лошадей. Солнышко под вечер припекало не так люто, пыль на дороге прибил утренний дождик, так что можно было позволить себе развлечься беседой.

Обсуждали нового командующего; говорили, что он, по слухам, отказался от мысли дать генеральное сражение у Царёва-Займища – позиция не понравилась, – и собирается отступить дальше, в сторону Можайска.

Веденякин между делом поведал, что накануне встретил своего приятеля, служившего в первом батальоне Ахтырского гусарского полка. Так тот рассказывал, будто бы их батальонный начальник, известный всей армии стихотворец и отчаянный сорвиголова Денис Давыдов намеревается предложить князю Багратиону сформировать армейский партизанский отряд – и сам готов его возглавить, имея целью разбивать французские обозы, ломать мосты, трепать аванпосты и охранения. В общем, – изобретательно и разнообразно гадить супостату, не давая ни минуты спокойного житья. Прапорщик заявил, что подобная партия месяц назад была уже создана по инициативе Барклая-де-Толли; командовать ею поручили генералу Винцингероде. Потом принялись обсуждать затею Давыдова, припомнив попутно упомянутые в уставах Петра Великого корволанты и ранние, ещё времён царя Алексея Тишайшего, ертаулы – подвижные воинские отряды, выдвигаемые как для ограждения основных сил от разведки неприятеля, так и для перехвата его снабжения и диверсий по тылам.

Николай под конец заявил, что всё бы, кажется, отдал за возможность попасть в такой отряд. Веденякин ответил что Давыдов, конечно, отдаст предпочтение своим ахтырцам, а если кого и возьмёт, то казачков. Оно и понятно: без станичников в деле, требующем особенного, отличного от строевой службы, навыка, никак не обойтись.

И – за разговорами проворонили момент, когда из-за поворота дороги навстречу выехали два всадника в чужих тёмно-зелёных мундирах.

Первый всадник крутанулся на месте и дал шпоры коню. Но далеко не ускакал – ружьё Вревского пыхнуло ватным облачком, грохнуло, и француз скovyрнулся с седла в жёлтую дорожную пыль. Второй не сделал попытки пуститься в отступ – то ли храбр оказался сверх разумной меры, то ли не испытывал иллюзий насчёт резвости своего коня, у которого из-под выгоревшего зелёного вальтрапа и правда, проступали рёбра. Но взять с места в карьер несчастная животина всё же сумела. Её хозяин привстал на стременах и летел на Ростовцева, выставив по-уставному саблю – в вытянутой руке, на уровне лица, клинок повернут плашмя. Рот храбреца был раззявлен в отчаянном вопле, и было видно, что он намерен доскакать до русских, а там хоть трава не расти. Ростовцев выдернул саблю из ножен и в свою очередь поднял коня в галоп – встретить атакующего карьером противника на рысях означало почти верный проигрыш.

Не пригодилось. Прокопыч и Веденякин одновременно выпалили из пистолетов, и разогнавшийся всадник полетел через гриву своего коня в пыль, разбрасывая веером кровь из простреленной головы.

– И зачем это было нужно, корнет? – ворчливо осведомился Ростовцев. – Я бы и сам отличнейше справился!

Прокопыч потупился – он ведь тоже выпалил без команды. Впрочем, ординарец недурно различал интонации начальства и видел, что тот нисколько не сердится, а тешит свой гонор. Как же – его, лихого рубаку, лишили законной победы!

– Я думал... – лицо корнета пошло багровыми пятнами. – Я полагал, что командира в бою следует защищать, не жалея сил и не считаясь с опасностью. Так и в уставе написано!

– Где вы опасность-то увидели? – не унимался Ростовцев. Он соскочил с коня и присел на корточки, рассматривая убитого.

– Зелёные мундиры без шнуров, приборное сукно лазоревое – конные егеря из дивизии Люилье. Или это ты его подстрелил, Прокопыч?

– Никак нет, вашбродие! – отозвался Прокопыч. – Я в лошадь целил, в неё и попал.

– Ну, так добей, коли попал... – поручик кивнул на распластавшуюся в пыли гнедую. Та совершенно по-человечески стонала и дёргала пробитой шеей. – Всё ж, живое дыхание, неладно, чтобы мучилась.

Ординарец кивнул и вытащил из ольстра второй пистолет. Грохнул выстрел. Корнет поспешно отвернулся, физиономия его сделалась белой, как бумага.

«А мальчишку-то, того гляди, вывернет. – подумал Ростовцев. – Впервые своими руками убил человека, да как – мозги во все стороны... Водки ему предложить, что ли?»

– А другой, вроде, жив. – сообщил подъехавший Вревский. Разряженное ружьё он держал вертикально, уперев приклад в бедро. – Я, правда, не осматривал, но шевелится и сквернословит даже.

– Пошли, побеседуем. – сказал Ростовцев. – Может, расскажет что-нибудь? А вы, корнет, глотните крепкого, а то ведь в кусты блевать побежите. И не придумывайте себе чего не надо – по первому разу у всех так, можете мне поверить.

– Не жилец, вашбродь. – сообщил Прокопыч. – Хребет ему пулей перебило со становой жилой, кровь так и хлещет. Вот-вот представится.

– Нацеди ему своей... – приказал Ростовцев. – И не жадничай, он ведь сказал обо всём, что было спрошено – пусть хоть получит напоследок облегчение.

Ординарец с сомнением посмотрел на француза, но спорить с барином не стал – присел и поднёс жестяной стакан от манерки к губам умирающего. Тот что-то пролопотал и попытался сделать глоток. Пахнувшая сивухой жидкость потекла по губам, по подбородку.

Пленник действительно ответил на все вопросы. Он оказался бригадиром-фурьером шестнадцатого конно-егерского полка первой дивизии лёгкой кавалерии Люилье. Будучи отряжёнными с командой фуражиров, они с товарищем были посланы на разведку, но заплутав, напоролись на Ростовцева и его спутников. С известным уже результатом.

– Кончился, вашбродие... – сообщил Пархомыч, вставая. Он стащил с головы бескозырку и широко, истово перекрестился. Корнет, после секундной паузы, последовал его примеру.

– Оттащи трупы в кусты, поймай его лошадь, – Ростовцев кивнул на застреленного прапорщиком конного егеря, – и едем дальше.

– А как же похоронить? – поднял брови Вревский. – Это же христиане, как и мы!

– В армии Бонапарта каждый второй атеист. – буркнул в ответ Ростовцев. – Закапывать их – это ж, сколько времени уйдёт? И лопат у нас нет, саблями прикажете землю ковырять? Да и не в этом дело, барон – до Бобрищ отсюда вёрст десять, не больше, и как бы эти фуражиры туда раньше нас не добрались...

V

Под ярким – не по-зимнему ярким! – солнцем сугробы таяли, оседали буквально на глазах. Обычно весенний снег гораздо дольше противостоит солнечным лучам, но там дело идёт о слежавшемся, заледеневшем, местами чёрном от грязи слое толщиной в десяток сантиметров. Этот же был девственно белым, лёгким, пушистым, потому что навалило его меньше суток назад – да и солнышко палило куда злее мартовского, что вместе с пропылённой листвой на той стороне дороги наводило на мысль скорее, об августе или сентябре.

Я отошёл от окна. Ребята и девчонки сгрудились у радиолы. Из матерчатых динамиков неслось «... пш-ш-ш... виу-виу-виу.....пш-ш-ш...» – концерт для атмосферных помех без оркестра. Плохо дело – хотя, если бы оттуда лилась лающая немецкая речь или прерываемые радиопомехами сводки Совинформбюро, было бы гораздо хуже. А так – можно, во всяком случае, не опасаться, что на пропылённый по-летнему просёлок выкатятся панцеры генерала Гота, а вслед за ними – похожие на гробы «ганомаги», доверху забитые весело гомонящими белобрысыми парнями с закатанными до локтей рукавами полевого фельдграу. Октябрь той страшной осени выдался по-летнему тёплым, и я-то знал, что творилось в первых его числах в районе Вязьмы.

И всё же – пресловутая точка бифуркации где-то поблизости. Во всяком случае, там, в серой мути, мне об этом ясно дали понять.

Стоп. А с чего я решил, что мне сказали правду? Или нет, нет, не так: с чего я решил, что мне сказали всю правду? Могли о чём-то ведь и умолчать – для моего же блага, разумеется. Так, как они его понимают.

«...знать бы ещё, кто эти «они»...»

Но вернёмся к моим спутникам, продолжающим коллективное издевательство над безответной радиолой.

Всего нас девять человек – считая меня самого, разумеется. Три девчонки: Мати, темнокожая Далия, и ещё одна, имени не помню... Кажется, она не из студентов – присоединилась к группе за компанию с кем-то из парней. Да, точно, подружка Гены Прокшина...

Сам Гена – сибиряк, из Томска, эдакий крепыш с русым «ёжиком» на круглой голове. Перворазрядник по боксу и самбо. Служил в железнодорожных войсках, дембельнулся старшим сержантом и приехал в Москву, поступать в ВУЗ. Проходной балл не набрал, но его всё равно зачислили: после армии, спортсмен и кандидат в члены КПСС, как тут не взять?

Вон он – яростно крутит ручки настройки. Имени его пассии я не вспомнил, зато в памяти всплыло, что она, кажется, учится в медицинском техникуме, то ли на медсестру, то ли на фармацевта.

Рафик Данелян – ну, с ним-то никаких загадок нет. Армянин, но родом из Азербайджанской ССР – единственный, с кем я поддерживал связь после института. Он даже в гости меня зазвал к своим родителям, в крошечное горное селение недалеко от Степанакерта. Удивительной красоты места – я провёл там восемь дней и надолго прикипел сердцем к этой древней земле.

Я снова побывал там только в девяносто четвёртом, на похоронах. Рафик прошёл первую Карабахскую войну, был тяжело ранен в девяносто втором, потерял обе ноги – и так и не смог оправиться.

«Я знаю, что вы были друзьями. – сказал мне тогда его отец, – Ты только не обижайся, но я правду скажу. Это вы, русские, виноваты: если бы не ваша перестройка, не развал Союза, не было бы войны и мой сын остался бы жив...»

Я ничего не ответил и в тот же вечер уехал домой. Старик, как ни крути, был прав, прав во всём...

Рядом с Рафиком присел на корточки Дима Гнедин. В этом походе, как и я, зарабатывает зачёт по физподготовке. С ним тоже всё ясно: интеллигентный мальчик из хорошей московской семьи, отец – секретарь парторганизации в каком-то НИИ, мать занимает немаленький пост в райисполкоме. Он точно знает, куда идти: карьера в комсомоле, вступление в партию, а дальше... ну, вы понимаете. Попутно Гнедин не брезгует фарцовкой – ну, там солнечные очки, диски, жевательная резинка... В перестройку пойдёт в кооператоры, откроет видеосалон. Потом, в 90-х он круто приподнимется на ваучерной приватизации и чековых аукционах и закончит, как многие ему подобные – от пули киллера на пороге собственного особняка. Прав старина Маркс, период первоначального накопления капитала не ведаёт таких сопливых понятий, как «гуманизм» и «ценность человеческой жизни».

О руководителе похода я уже упоминал. Он устроился между Гнединым и Далией, словно невзначай положил ладонь алжирке на талию (та, вроде, и не против), и пытается давать советы. Этот тип мне не интересен – если, конечно, не попробует, как и в тот раз, подкатиться к Мати.

И Гжегош Пшемандовский, последний в нашей славной девятке. Как говорится – «по порядку, но не по значению». Стоит в стороне, сложив руки на груди, наблюдает за копошением вокруг радиолы. Насколько я помню, он всегда бы таким... немножко шляхтичем: немногословный, чуточку высокомерный, чуточку ироничный чуточку слишком явно демонстрирует скепсис.

...Я снова встретил Гжегоша в две тысячи пятом, в Чехии, на фестивале по случаю двухсотлетия Аустерлицкой битвы. И – не поверил своим глазам, узнав в ротмистре польских шеволежёров-улан, затянутом в безупречно построенный мундир, институтского однокашника. Выяснилось, что в исторической реконструкции он всего четвёртый год, но успел за это время немало: кроме наполеоники, пошил на польского кавалериста времён «Чуда на Висле» и даже собрал полный комплект на панцирного гусара семнадцатого века. Всё, что полагается: арсенал холодной и огнестрельной «зброи», доспех с крыльями

за спиной – такое далеко не всякому по карману. Да, не бедствует пан Пшемандовский, не бедствует – куда до него нам, нищebroдам...

Несмотря на общее хобби, возобновления былой дружбы не получилось. Гжегош оказался ярким сторонником идеи «Польши от жожа и до жожа», отягощённый, к тому же, некоторыми «перегибами», приобретёнными во времена распада Варшавского блока и краха СССР. Не помогло даже, что мы оба были поклонниками Наполеона: «москаль остаётся москалём, – заявил тогда Гжегош, – москалём он, курва мать, и помрёт – и дай-то Езус, швидче...

На следующий день польские уланы сошлись в сабельной рубке – постановочной, как и всё остальное в фестивальной баталии, – с русскими драгунами. Только вот наша с Гжегошем схватка мало походила на безобидный спектакль – после первых же ударов я понял, что бывший приятель сознательно целит мне в лицо, голову, кисти рук, и клинок отнюдь не сдерживает. Помнится, меня тогда взяло за живое: имея за спиной почти два десятка лет занятий историческим фехтованием, я полагал себя рубакой не из последних, и не Гжегошу с его скромным опытом было со мной тягаться. Так что, не раздели нас круговерть кавалерийской сшибки, дело вполне могло закончиться серьёзными травмами.

Ещё раз мы встретились на биваке, вечером после баталии. Недавние противники предавались обильным возлияниям, крича то «Vive l'Empereur!», то «Ще польска не сгинела!», то витиеватые патриотические тосты за матушку-Россию. Гжегош сделал вид, что ничего не произошло, даже поприветствовал меня слащавой улыбкой – и лишь на самом дне зрачков угадывалась прятанная там неудовлетворённая ярость.

Но всего этого пока нет... или мне только кажется, что нет? Во всяком случае, за всё время учёбы в институте я ни разу не замечал за Гжегошем ничего «великопольского». Что ж, пусть так пока и остаётся, а что до воспоминаний из «прошлой жизни» – кому они сейчас нужны?

– Никита, можно тебя на минутку?

Это тётя Даша. Вчера вечером она помогала девчонкам с подготовкой новогоднего застолья, а потом, часа за полтора до праздничного боя курантов

ушла к себе. Мол, «что я у вас, молодёжи, под ногами путаться буду, посижу одна, «Голубой огонёк» посмотрю...». Ага, как же, одна! Я, едва услышал на заднем дворе клуба тархтение тракторного дизеля, как всё понял.

...я запомнил тётю Дашу по последнему своему визиту, когда ещё застал её живой – маленькая, высохшая, седая, как лунь. Но то было в самом конце восьмидесятых, а сейчас – это вполне свежая пятидесятипятилетняя женщина. Не горбится, говорит живо, и на старческие болезни не жалуется – рано, какие её годы... А ещё у неё имеется «сердечный друг» – механизатор дядя Вася, работающий в том же совхозе. Они сошлись, когда тот, похоронив и оплакав жену, стал искать утешения. Дяде Васе пятьдесят два года от роду, и он тоже ещё вполне-вполне – я как-то видел, как он в одиночку менял заднее колесо трактора, а ведь оно весит хорошо так за центнер. Трактор этот, «пердунок» Т-16, с кузовом впереди кабины, стоит сейчас на заднем дворе ДК, нагруженный тремя двухсотлитровыми бочками соляры. Горючку было велено доставить на птицеферму, для аварийного дизель-генератора. Совхозное начальство решило принять меры по случаю обещанного в сводке погоды снегопада, который может привести к обрывам линии электропередачи.

До пункта назначения в тот вечер дядя Вася так и не доехал, завернул по дороге в ДК, где уже собирались праздновать мы. А там – слово за слово, стакан за стаканом... в общем, сейчас дядя Вася отсыпается в тёткиной комнате, понятия не имея, что творится вокруг.

Его храп я и слышал, когда мы шли по длинному коридору, в который, кроме двери тёткиной комнаты (после смерти мужа она перебралась жить сюда) выходят ещё несколько – кухня, кладовка, кинобудка. Но тётя Даша вела меня к самой дальней, за которой – и это мне тоже было хорошо известно – располагался краеведческий музей.

Любимое детище её покойного супруга, когда тот, выйдя на пенсию с поста директора совхоза, стал заведовать местным домом культуры. По сельским меркам – серьёзный очаг культуры, о чём свидетельствуют многочисленные грамоты в рамочках, от районного и областного Культпросвета и Вяземского райвоенкомата. Последнее – из-за того, что немалая часть экспозиции посвящена именно Великой Отечественной войне.

Но есть и кое-что другое. Я привычно остановился перед портретом, висящим между окнами, напротив стены сплошь завешанной иконами из сгоревшей в

конце сороковых местной церквушки. Надпись на бронзовой табличке гласила «Полковникъ отъ кавалеріи графъ Никтита Ростовцевъ». Ты смотри, тёзка.

С картины смотрел немолодой мужчина в мундире мариупольских гусар, судя по кое-каким деталям – поздний период царствования Николая Первого. Весь увешан крестами, среди которых попадаются и заграничные. Отдельно, на левой стороне груди целая наградная колодка. Три серебряных медали: прусская «медаль для комбатантов 1813–1814 годов», российская медаль «В память Отечественной войны 1812-го года» и медаль «За взятие Парижа 19-го марта 1814-го года».

Если верить поясняющей табличке – портрет помещика, владельца имения, к которому относилась некогда и деревенька Бобрищи. А молодец тёзка, не бегал от войны. Такой иконостас можно собрать, только проливая собственную кровь.

Я пригляделся. На табличке указаны годы жизни: 1789 -13 (25) октября 1854-го года. Последнее, между прочим – не что иное, как дата несчастливого для русской армии сражения при Балаклаве...

Скрежетнул, поворачиваясь в замке, ключ. Я обернулся – тётя Даша отпирала железную дверь, спрятанную за большим стендом с цветными схемами Вяземской операции 1941-го года. Если память мне изменяется, за дверью располагается крошечная кладовка – там, в железном несгораемом ящике хранятся «особые фонды» музея.

Вообще-то, оружия в музее много – от пятидесятимиллиметрового ротного миномёта и «ШКАСа», снятого с самолётной турели, до разномастных винтовок. Каски, ржавые штыки, рубчатые рубашки от гранат – этого добра вообще не счесть. Конечно, всё оружие холощёное – с просверленными газоотводными трубками и стволами, залитыми сталью патронниками и спиленными бойками. А вот «особые фонды» – дело другое. В железном, запирающемся на амбарный замок ящике муж тёти Даши хранил мосинский казачий карабин с клеймом Императорского Тульского оружейного завода, укороченный «милицейский» наган 1925-го года выпуска. Имелись и боеприпасы: две полные обоймы к карабину, упакованные в клиновидные картонные пачки, три нераспечатанные пачки патронов из скверного рыхлого картона с годом выпуска «1939» да дюжины две патронов россыпью. К нагану прилагались четыре коробочки по

четырнадцать тупоносых «маслят» в каждой.

Отдельно лежат две «лимонки» и ещё одна, незнакомой системы – похожая на толокушку для картофеля, с нарезанной мелкими ромбиками чугуновой рубашкой. Запалы, как положено, вывернуты и лежат отдельно, в промасленных бумажках, стволы в масле, ухоженные, несмотря на видные невооружённым глазом следы износа.

Откуда такое богатство, нигде, кстати, не зарегистрированное? Тоже мне, вопрос! «Васенька с ними партизанил и вот, решил сохранить. – объяснила тётка, когда однажды решила посвятить племянника в тайну «особых фондов». – Хотел поначалу охолостить, как прочие стволы из экспозиции, но рука не поднялась. Проверка, обнаружится? А кто проверять-то будет? Он член партии, орденоседец, на отличном счету, с участковым Вась-Вась...»

Но сегодня её – как и меня, впрочем, – интересуют совсем другие вопросы.

– Как думаешь, племянник, что такое на улице творится? Лето посреди зимы, склады совхозные куда-то сгнули, телефон не отвечает, я проверяла.

«...значит, и телефон тоже? Я-то признаться, про него забыл...»

Я пожал плечами.

– Понятия не имею, тётка Даша. Есть предположение, но боюсь говорить – уж больно звучит... бредово.

– А ты не бойся. – подбодрила она меня. – Небось, не укушу.

– Если вкратце... вы читали Марка Твена, «Янки при дворе короля Артура»?

– И даже «Робинзон в космосе» Френсиса Карсака. – усмехнулась она. – Вон ты о чём, значит, подумал...

Мог бы и не спрашивать. Тётя Даша в свои пятьдесят с лишком на память не жалуется, а уж библиотечные книжки прочитала от корки и до корки. В том

числе – и немногие имеющиеся образчики научной фантастики.

– Именно. – подтвердил я. – Вряд ли это Средневековье и, тем более, другая планета, но ведь радио-то ничего не ловит...

– Как и телевизор. Я проверила, пусто на всех каналах.

«...рассказать всё, как есть, без утайки – включая всё, о чём шла речь в серой мути? А заодно – признаться, сколько лет мне на самом деле?..

...может, и придётся, в конце концов. Но – точно не раньше, чем узнаю, где и, главное, когда мы оказались...»

– Силосохранилищ, как вы уже сказали, исчезли. И дорога какая-то... не такая. Я, конечно, близко не смотрел, мы пока вообще из дома не выбирались – но судя по тому, что видно из окна, по ней ездили только на телегах. Таких, с деревянными колёсами, знаете?

– Что не выбирались – это плохо. – подумав, ответила тётка. Я понимаю, страшно – но не вечно же нам тут сидеть? Ты вот что, Никита...

Она достала из ящика наган и пачку патронов к нему.

– Это тебе. Карабин пока пусть тут полежит, а револьвер в самый раз будет. Когда соберёшься выйти, осмотреться – прихвати. Стрелять-то умеешь?

– Справлюсь.

– Вот тут, смотри, такая шторка – откидываешь вбок и патроны по одному засовываешь в барабан. А чтобы извлечь стреляные гильзы...

– Спасибо, тётка Даша, с наганом я обращаться умею. В самом деле, лишним не будет. Кстати, дизель-генератор в клубе исправен? Когда я в прошлый раз приезжал, вроде, были какие-то проблемы...

– Тарахтит, слава Богу. Осенью электрик приходил, починил. Да я его уже запустила – иначе как бы вы радиолу слушали?

«...ну, я и болван! А тётка умница, быстро сориентировалась, вот что значит партизанская закалка...»

– Ты, племянник, вот что мне лучше скажи... – начала она, и тут в дверь музея постучали. Я вскочил, не забыв засунуть наган за пояс и прикрыть сверху свитером.

На пороге комнаты-музея возник Рафик.

– Никита-джан... – армянский акцент сейчас был особенно заметен. – Там на дороге телега с лошастью. Старая, как в кино, мамой клянусь! Люди слезли, во двор идти хотят. Ребята спрашивают – что делать, а?

VI

Незванные гости оказались мужиками неопределённого возраста – где-то от тридцати до пятидесяти. До глаз заросшие проволочными бородами, в бесформенных шапках, рубахах, подпоясанных один плетёным пояском, другой и вовсе куском верёвки, портах и лаптях с онучами. Крестьяне? Скорее всего, только уж очень несовременные. Но и на средневековых, особенно европейских, пейзажах не похожи, обыкновенные крепостные мужики, века восемнадцатого-девятнадцатого. А может, и того раньше – в России в плане деревенского быта мало что менялось со времён царя Гороха.

Позади этой парочки держится пацанёнок лет двенадцати. Босой, нос в веснушках, в глазёнках – отчаянное любопытство пополам со страхом. Стоят, не решаясь пересечь ясно видимую границу «аномалии», там, где пыльная, но всё же зелёная трава сменяется раскисшей бурой глиной с почти уже оплывшими сугробами.

Я шагнул с крыльца навстречу «крестьянам». Рафик и Гжегош шли за мной. Они увидели, конечно, наган и теперь косились на меня с подозрением. Но вопросов не задавали – не время сейчас, не при посторонних.

Визитёры при виде нашей боевой тройки попятнулись. Тот, что постарше, мелко закрестился, и я с опозданием сообразил, что следовало, пожалуй, выйти одному.

– Чего хотели, люди добрые? – крикнул я. – Да вы проходите, не стесняйтесь. У нас тут, правда, не прибрано, уж извините...

И запнулся, увидев, что слушатели приоткрыли рты и смотрят куда-то поверх моего плеча. Челюсти у обоих отвисли, в глазах плещется неприкрытый страх. Тот, что стоял чуть впереди, постарше, снова торопливо закрестился.

Я бросил быстрый взгляд назад – и едва не расхохотался. Далия, ну конечно! Наша представительница солнечной Африки не сумела сдержать своё любопытство – и вышла на крыльцо. Вид у далии более, чем эффектный – ярко-красная «адидасовская» куртка, такие же спортивные штаны, что смотрится крайне эффектно в сочетании с тёмно-кофейной кожей; волосы, заплетённые мелкими косичками и, конечно, ослепительная, во все тридцать два зуба-жемчужинки, улыбка.

– Салют ле гастронз! – жизнерадостно заявила она и сделала гостям ручкой. При этом тонкие медные и латунные браслеты, во множестве украшавшие её запястье, мелодично звякнули. – Коман тале ву?[7 - (фр.) – Привет, ребята! Как дела?]

Не знаю, чего они испугались больше – Далии, нашего, явно непривычного для них облика, общей непонятности ситуации – а только все трое молча повернулись и кинулись наутёк. И чего приходили, спрашивается? Ехали себе мимо, никто их не трогал...

Пацан и один из взрослых ломанулись через дорогу, в ельник; третий, тот, что крестился, запрыгнул на телегу, хрипло заорал и огрел лошадь кнутом. Та прыгнула с места и пошла рваным галопом; возница сидел, свесив ноги, кричал что-то и крутил кнутовищем над головой. Но упорядоченного отступления не получилось: перепуганная савраска прыгнула вбок, торчащая ось зацепила столб ограды – треск, испуганный вопль и телега с грохотом заваливается на бок. Оторвавшееся колесо ещё метров десять катится по дороге, пока не успокаивается в траве, на обочине.

Неудавшийся гонщик кубарем слетел в пыль, вскочил и, сломя голову, метнулся прочь. Рафик подскочил ко мне – глаза бешеные, руки трясутся от азарта.

– Никита, ара, дай револьвер, а? Я его сейчас...

Ну, не ожидал я от него такой прыти! Хорошо, успел в последний момент подбить вверх руку с наганом, который Рафик как-то исхитрился выдернуть у меня из-за пояса. Грохот выстрела, пуля уходит в белёсое небо. Беглец надал, разом удвоив скорость, и с треском вломился в кусты на другой стороне просёлка.

Я выкрутил револьвер из пальцев незадачливого стрелка. Рафик охнул от боли – и правильно, взял, понимаешь, манеру ствол без спроса мацать...

– Ты что, совсем дурак? Чем он тебе не угодил, горячий армянский парень?

Но он и сам уже понял, что сделал что-то не то.

– Не убивать собирался я его убивать, мамой клянусь! Только припугнуть хотел, «стой, мол, стрелять буду!» Извини, да?

«... оправдывается? Уже хорошо...»

– Ладно, проехали. Но впредь, чтоб без моей команды – ни ни! Самджа?

– Ладно. – ответил, помедлив, Рафик. – Ачха, то есть.

«Самджа» – значит «понял». На хинди, кажется. Мы с Рафиком подцепили эти словечки у студентов-индусов, еще на первом курсе. А что? Эффектно так звучит, загадочно, девчонки удивляются...

Хороший он парень, Рафик Данелян, только резкий чересчур. За таким глаз да глаз нужен, расслабишься – вмиг дров наломает. Они там у себя, в Карабахе, все такие...

Подходим к телеге. Савраска уже успокоилась – опустила голову, щиплет проросшую на обочине травку. М-да, прямо скажем – не иноходец, кожа да кости

– вон как рёбра торчат...

Наклоняюсь, поднимаю заднюю ногу. Лошадь недовольно фыркает, но трапезы не прерывает. Как я и думал, подков на этом копыте отродясь не было.

Рафик с Гжегошем тем временем обшарили телегу. Ни дать, ни взять, лоток на Измайловском вернисаже: пустые рогожные мешки со следами муки, деревянное ведро, обшитый кожей хомут, моток сыромятных ремней, потёртых, связанных узлами. Пеньковая верёвка, бережно смотанная. Есть топор на длинной ручке, грубой, деревенской ковки. Наточен, однако, на славу...

Отдельно лежит манерка – нечто вроде плоской жестяной, литра на два, фляги с жестяным же стаканом, надетым поверх деревянной пробки. Такие носили на ремне через плечо, или притягивали ремешками к солдатским ранцам – вон, даже ушки специальные припаяны по бокам – и держали в них воду, или квас. А то и чего покрепче.

Выдёргиваю пробку зубами. В нос шибает густое сивушное амбре. Кто бы сомневался...

– Ну как, ребятки, нашли что-нибудь интересное?

Это тётя Даша. За ней, в некотором отдалении спешат остальные студенты – ну да, всем интересно, что тут за аномалия такая...

В руках у тётки старенькая охотничья тулка-курковка. В «особых фондах» я её не заметил – тоже, наверное, от мужа осталась. А карабинчик-то решила пока не светить...

– Никита, глянь...

Мати протягивает мне шапку, в спешке оброненную одним из беглецов. Колпак из бурого корявого сукна, типичный крестьянский головной убор. А это что?

– Внутри лежало. – пояснила девушка. – Бумажки какие-то, я не стала смотреть. Может, его документы?

Разворачиваю. Мутно-жёлтая довольно плотная бумага – не то, чтобы новая, но и далеко не ветхая. Типографский текст с «ятями» и «ерами», бледные лиловые печати, размашистые хвостатые подписи. Правда, что ли, аусвайс?

Гляжу на солнце – ага, и водяные знаки имеются, правда, едва различимые. Ах, вот оно что...

«Объявителю сей государственной ассигнации платить ассигнационный банкъ пять рублей ходячею монетою».

– Это ассигнации, старинные бумажные деньги. Номинал пять рублей, номера и... – я помедлил. – И вот здесь, ниже – год выпуска. Тысяча восемьсот восьмой.

Прочитанное произвело впечатление. Ребята потрясённо молчат, после чего Гена Прокшин неуверенно спрашивает:

– Это что же, начало прошлого века? Деятнадцатого?

– Именно. – киваю. – Раритет, мечта нумизмата.

– Интересные тут нумизматы ездят. – Гжегош издаёт лёгкий смешок. – Страшно подумать, какие могут быть филателисты...

Ребята шутку не поддержали. Я их понимаю: обстановка не располагает к веселью, скорее уж – к невесёлым мыслям касательно собственного будущего. Начали догадываться? Мне-то давно всё понятно... ну, не давно, а с того момента, как увидел ассигнацию.

– Ладно, пошли в дом, – говорю. – Там рассмотрим внимательнее.

Как ни странно, никто мне не возразил. Студенты по одному потянулись к клубу, прыгая через грязные лужи, в которые стремительно превращался новогодний снежный покров. Тётя Даша, чуть помедлив, пошла следом – двустволку она несла на плече. Я помог Рафику выпрячь савраску из обломков телеги (не бросать же скотинку посреди дороги?) прихватил топор, манерку и поплёлся за остальными. Голова гудела, словно чугунный колокол.

«...значит, всё-таки 1812-й? Что ж, можно было ожидать...»

Гжегош помял ассигнацию в пальцах, посмотрел на просвет. Поднёс к самым глаза и сощурился, вглядываясь в что-то совсем уж мелкое.

– Знаете что? Эта ассигнация – не настоящая, поддельная. Такие печатали перед вторжением Наполеона в Россию.

Я поднял брови. Не то, чтобы меня это удивило – я, конечно, знал, что в обозе Бонапарта границы Российской Империи пересекли десятки тысяч фальшивок, сработанных в парижских типографиях. Но в руках их ни разу не держал, только видел в музеях. А уж чтобы вот так, с ходу определить...

– Откуда знаешь, а? – спросил Рафик. Вместо меня спросил. И хорошо...

– Брат увлекается нумизматикой. – ответил, ничуть не смутившись, поляк. – Ну и я тоже немного разбираюсь. Даже монографию на эту тему прочитал – здесь, в Москве, в Ленинке. Смотрите...

Он положил ассигнацию на середину стола, так, чтобы было видно всем.

– У французских подделок бумага плотнее, чем у русских оригиналов. И защитные знаки у них сохранялись лучше, а на подлинниках – быстро истирались, и их было не разобрать. Но нам сравнить не с чем, а потому взгляните вот сюда...

– Ассигнации заверялись тремя подписями – две, директора банка и кассира, на лицевой стороне, и ещё одна, советника правления банка – на оборотной. Писали от руки, чернилами, которые со временем выцветали и становились коричневатыми. А эти сделаны типографским способом. Если присмотреться – заметно.

Я склонился к бумажке. Действительно, подпись тёмно-синяя и читается вполне ясно.

– Ну, и самое явное: орфографические ошибки. Они встречаются не на всех поддельных ассигнациях, но нам повезло.

Он показал кончиком карандаша на верхнюю строчку. Ребята склонились, разглядывая текст.

– Точно! – обрадовался Гнедин. – Буква «л» вместо «д» в слове «государственной». Вот же жопорукие, а ещё европейцы!

– Французы частенько путали эти две буквы русского алфавита. – снисходительно пояснил Гжегош. – Вот и на другой – «холячею» вместо «ходячею». Как видите, признаки очевидны, не ошибёшься.

Что-то звякнуло. Мы обернулись. Мати подковырнула кончиком ножниц подкладку трофейной шапки – и извлекла оттуда небольшой свёрток.

– Тут монеты, тоже старинные!

Гжегош на правах уже признанного эксперта сгрёб находку.

– Медные – русские. – объявил он после небольшой паузы. – Пять полушек и два алтына, это трёхкопеечная монета. Серебряные – французские, достоинством в один франк.

– Настоящие? – заинтересованно спросил Гнедин.

Поляк покрутил монету в пальцах, потом поскрёб кончиком ножа.

– Вроде, серебро... да. Настоящие.

Пока они занимались нумизматическими изысканиями, я завладел бумажкой, в которую монетки были завёрнуты. И – не сдержавшись, присвистнул, стоило только разобрать бледный печатный текст.

Афишка – так в те далёкие времена называли объявления, распространяемые официальными властями. Их расклеивали на афишных тумбах, на заборах, стенах домов, раздавали на рынках. Грамотными, конечно, были далеко не все,

но обычно находился кто-то, способный прочесть афишку собравшимся людям вслух. Что до крестьян – они, раздобыв «казённую гумагу» везли её в деревню, чтобы попросить разобрать мудрёные буквы дьячка местной церкви или барского управляющего.

Конкретно эта афишка сообщала, что «обывателямъ и крестьянамъ Смоленской губернии при приближении супостата уводить скотъ, прятать запасы хлѣба и фуража, а ежели нѣтъ такой возможности – предавать огню вмѣстѣ съ амбарами и овинами. А если кто станетъ съ непріателемъ торговать и доставлять ему разныя припасы, то таковымъ...»

Что именно ожидало тех, кто посмеет пойти поперёк грозного указа, так и осталось непрояснённым – нижний край с частью текста был косо оторван. Зато сохранилась половинка типографски отпечатанного двуглавый орёл и часть подписи: «Генераль-губернат...»

– Значит, мы всё же оказались в 1812-м году... – медленно произнёс комсомольский вожак. – Вот же не повезло, у меня пятого января неплохое дельце намечалось...

Я едва не выматерился. Вот она, натура фарцовщика: вокруг такие чудеса творятся, а он о своих мелких гешефтах.

– Да. – отвечаю. – Он самый и есть, скорее всего, конец августа. Смоленск взят, Вязьма сдана без боя. Русская армия отступает к Можайску, и совсем скоро должна состояться Бородинская битва.

– Почему ты решил, что Смоленск и Вязьма уже под французами? – осведомилась тётя Даша. Когда мы вернулись в клуб, она на минутку отлучилась к своему ненаглядному Васеньке, и теперь сидела за столом вместе с нами.

Я пожал плечами.

– Простая логика. Крестьяне эти, похоже, возвращались с рынка – в нарушение приказов из этой вот самой афишки. Обычное время по тем временам, кстати – французы, конечно, могли ограбить деревню, но с теми, кто привозил провиант в занятый ими город, обращались вполне комильфо. И даже платили за продукты.

– Фальшивками! – хмыкнул Гнедин.

– Ими самими. Но и звонкой монетой тоже, иначе, откуда у мужичков французское серебро? Ну и натуральный обмен никто не отменял. Та же манерка с водкой – наверняка выменяли у солдат, чтобы назад возвращаться не на сухую.

– А почему те быдлаки... крестьяне, то есть, были одеты, как оборванцы? – Гжегош показал на шапку. – У них тут дуже пеньонзов... куча денег, по тогдашним-то меркам, а сами в рваньё!

Я вздрогнул. Остальные-то, может, и не в курсе, но мне-то отлично было известно, что слово «быдлак» – это вовсе не «крестьянин». «Ублюдок», «скотина» – вот, значит, и выглянул на свет вельможный пан Пшемандовский, чьи предки хлопов отродясь за людей не считали.

– Ну, это-то понятно. – сказала тётя Даша. Она завладела обрывком афишки и внимательно рассматривала текст. – Во-первых, в деревнях все примерно так и ходили. У нас в музее есть экспозиция, можете поинтересоваться. Была, конечно, одёжка и понаряднее, из хорошего сукна, даже камки, но её больше на престольные праздники надевали. А тут – с чего им, спрашивается, шиковать? Наоборот, победнее оделись, прежде чем ехать в захваченный пришельцами город. Рассуждение простое: караульные увидят справно одетых мужиков, обыщут тщательнее, чем других, да и обдерут, как липку. А то и где-нибудь на просёлке мародёры позарятся. Если кафтаны и шапки хорошие, богатые – значит, и мошна не пуста, верно?

Я кивнул. Соображает тётка, ничего не скажешь. Одно слово – краевед.

– Уверен, они и лошадь поплоче нарочно выбрали. У французов сильная убыль конского состава, и справную конячку наверняка бы отобрали. Под седло, крестьянская кляча, конечно, не годится, а вот пушки таскать или телеги обозные – вполне.

Тётка встала.

– Надо бы в книгах посмотреть, уточнить даты. В Большой Советской Энциклопедии большая статья о нашествии Бонапарта на Россию, там и схемы движения войск есть. Хотя, конечно, на них наш совхоз – деревня Бобрищи, то

есть, – наверняка не отмечен.

И тут меня торкнуло. БСЭ, значит?.. Как наяву возник перед глазами тюк с книгами, извлечённый из лесного озера...

– Схемы, шемы... – Рафик хлопнул ладонью по столу так, что сидящая рядом Даля вздрогнула и покосилась на него с опаской.

– Разведать надо, ара! Сейчас коня заседлаю, и двинем...

– Так седла же нет! – сказал Гжегош.

– А нам что, на скачки, а? Сложим в несколько раз одеяло, накинem сверху, подпругу соорудим из чего-нибудь...

– А ты умеешь верхом?

– Обижаешь, ара! Горец я, или где?

«...так, пора вмешиваться в процесс стратегического планирования...»

– Никаких верховых прогулок. – говорю. – В кладовке стоят три велосипеда, на них и поедem. По лесным тропкам и просёлкам – самое то. ТётъДаша, можно?..

– Конечно, Никита. – она улыбнулась. – Велосипеды хорошие, только цепи надо подтянуть и шины накачать. Насос у одного на раме, кажется...

– Ну, тогда... – я обвёл спутников взглядом. – Рафик, ты со мной. Третьим... ладно, решим, когда с великами разберёмся. Гена, пока меня нет, остаёшься за старшего. ТётъДаша, выдай ему карабин и пару обойм, хорошо? Генка – парень толковый, в армии служил, с оружием обращаться умеет.

Тётка кивнула. Гена, услышав меня приободрился. Гжегош сердито сверкнул на меня глазами, но смолчал. Что, пан Пшемандовский, обидно, что вас обошли выбором? Ну, извините, нет к вам доверия... пока.

– Слушай, а чего это ты распоряжаешься? – влез «альпинист». Странно, до сих пор он предпочитал отмалчиваться... – Между прочим, это меня назначили старшим группы, официально!

В ответ я ухмыльнулся и как бы невзначай положил ладонь на рукоять нагана. Претендент на власть немедленно стушевался.

– Вообще-то, старшая тут я. – кротко заметила тётя Даша. – И по возрасту, и в жизни повидала побольше вас всех, вместе взятых. Да и клубом тоже я заведу, если кто забыл. Но насчёт Никиты – я «за», пусть командует. Девочки... – она повернулась к Далии и Мати, – надо бы произвести ревизию наших продовольственных запасов. Поможете? А вы... – кивок Гжегошу и остальным парням, – чем собачиться тут, ступайте на задний двор. Там Василь Семёныч бочки с соляркой хочет с трактора скатить и припрятать от греха в подвал. Потому как, если Никита прав – больше топлива нам взять будет неоткуда.

«...замечательная у меня всё-таки тётка!..»

VII

– Схватить мер-р-рзавцев и сдать в полицию!

Когда Ростовцев узнал, что деревенские мужички, мало того, что отказались разорять свои дома и уходить из деревни, так ещё и вознамерились помешать отъезду его родителей из имения – он осатанел и хотел тут же, не теряя ни минуты, скакать в деревню, карать бунтовщиков. Если бы не слёзы маменьки и не уговоры старого графа, неизвестно ещё, как дело бы обернулось, поскольку настроен поручик был весьма решительно.

– Какая там полиция... – старый граф безнадёжно махнул рукой. – Отсюда до самого Можайска ни одно исправника не сыскать!

– Тогда перепороть! – предложил поручик. – Для этого исправник не нужен.

– Погоди, Никита. – граф тяжело поднялся с кресла, ишиас ещё давал о себе знать. – Ну, пропишешь им ума в задние ворота – так ведь не пойдёт впрок! Только озлобятся, а ведь нам ещё мать с сестрой вывозить, добро какое ни то... Стоит ли?

– Так что же, спускать?

Зачем? – удивился Андрей Ильич – Побьёте Буонапартия, вернёмся – тогда и спросим за всё. На каторгу пойдёт, негодяй!

– А ежели, сбежит?

– Скатертью дорога. Подохнет где-нибудь под забором, нам же меньше хлопот.

Ростовцев задумался. В словах отца, несомненно, имелся резон.

Маленький отряд успел в имение раньше фуражиров – если верить дворне, которую старый граф рассылал по окрестностям, французов поблизости пока видно не было. А вот настроения бобрищевских крестьян внушали опасение: они собрались на сход, продолжавшийся без перерыва уже вторые сутки. Заводилой выступил староста Аким: уговаривал никуда не уходить, убеждал, что «и под французом жить можно, а добро своё, потом и кровью досталось».

Разорить недолго, а дальше что? Баре, известное дело, в Москву сбёгнут, а нам – с голоду пухнуть?» В общем, по мнению «лазутчиков» – «продался с потрохами супостату и мутит обчество, иуда...»

Наслушавшись этих речей, мужики осмелели. Кто-то предложил потребовать от барина раздать господское зерно по дворам – «им-то всё одно теперя ни к чему». Идея нашла отклик, зазвучали призывы идти разорять усадьбу, и только появление пяти вооружённых до зубов кавалеристов остудило горячие головы.

– Дурачьё вы тёмное, лапотное! Завтра, а то и сегодня здесь будет отряд французских фуражиров – ограбят дочиста, а кого и убьют! Собираться надо и уходить, а вы бунтовать удумали!

Корнет Веденякин, вовремя осознавший, что если позволить действовать Ростовцеву говорить, дело может принять скверный оборот, попытался взять роль посредника на себя. Пока получалось у него неважно – мужики переминались, переговаривались, но продолжали гнуть свою линию.

– Ничо, барин, как-нибудь переживём мы хранцуза. – заговорил Аким. – Давеча вот, мужики из Куркина приезжали, так у были енти... фужеры. Сказывали: обходительные, дурного не делали, за взятое заплатили без запроса казёнными бумажками. Даже серебро, говорят, давали. Так чего ж нам от них бежать?

– На каторгу захотел? – взревел, не выдержав, поручик. – За соспешествование и всякое иное содействие врагам престол-отечества Сибирь полагается, навечно!

– А ты не пужай, барин. – насупился староста. – Мы, чай, пуганые. Своих, так и быть, забирай, мешать не станем. А нас не замай, сами как-нибудь...

Веденякин покосился на Ростовцева. На того было страшно смотреть: на почерневшем лице ходили багровые пятна, из-под густых бровей глаза метали молнии, пальцы судорожно сжимали рукоять сабли.

«...ну, сейчас начнётся! Аким, подлец, уверен в себе – вон, даже шапку не снял перед господами...»

Корнет не ошибся. Поручику до зубовного скрежета хотелось прямо сейчас, без промедления, перепороть дюжину зачинщиков, а коли станут сопротивляться – вздёрнуть на осине.

– Так они, небось врут, эти куркинские!

– Не... – Аким помотал головой. – Они бумажки показывали, которые эти... сигнации. Настоящие, новенькие, ажно хрустят!

– Настоящие и нет – тебе-то почём знать? – презрительно усмехнулся корнет. – Позаритесь – потом не жалуйтесь, что остались без портков!

– Не бойсь, барин, не будем. А вы езжайте себе с Богом, не доводите до крайности...

Эта неприкрытая угроза, как и нагловатый блеск в глазах старосты, переполнили чашу терпения поручика.

– Ну, хватит болтовни! Ты и ты... – он ткнул пальцем в ближайших мужиков. – Вяжите подлеца, и чтоб покрепче!

Назначенные неохотно вышли вперёд и стали распоясываться – но под тяжёлыми взглядами из толпы замялись и попятились. Это было открытое неповиновение: Ростовцев уже прикидывал, кого рубить первым, когда из-за крайней избы выскочил, размахивая руками, расхристанный, всклокоченный, вопящий во всю глотку мужик.

– Климка, и дядька Пров с сынишкой возвращались из Вязьмы... – захлёбываясь, рассказывал новоприбывший. – Глядь, а на пригорке, там, где бор еловый к самой дороге подходит, дом стоит! Каменный, навроде барского, только поменьше, на крыше загогулина какая-то торчит, из проволоки. И диво-то какое: весь двор снегом завален, ажно по пояс!

– Врёшь... – неуверенно сказал Ростовцев. Мысли о репрессиях его, похоже, оставили. – Врёшь ведь, каналья! Признавайся – те, двое, небось, пьяные, лыка не вяжут?

– Ни-ни, ни синь пороху, вот те крест! – мужик поспешно перекрестился и замотал головой. – А потом, сказывают, люди какие-то чудные из дома того вышли и на них накинулись. Бесы, наверное, а с ними суцая чертовка: кожа бурая, нелюдская, в волосьях козюли[8 - То есть гадюки], лопочет не по-нашему! Ну, мужики, ясно дело, спужались и бежать, даже телегу с конём бросили, болезные... Полдня сидели в лесу, боялись носа показать. Потом пробрались огородами к моей избе, в окошко постучались и всё, как есть, обсказали!

– А что сами-то не пришли? – спросил Веденякин.

– Так это... страху натерпелись, теперь каждого куста боятся. Сомневались: а вдруг те беси уже туточки?

– Надо пойти, глянуть что там за невидаль такая. – решительно заявил Аким. – Вот что, мужики: берите ослопы, вилы и встречаемся у околицы. И Прова с Климкой волоките, пущай покажут...

– А мальчика брать?

– Не надо, на кой он нам?

Мужики стали расходиться, неуверенно оглядываясь на Ростовцева со спутниками – те так и не слезли с сёдел, а стояли верхами возле колодца, обычного места деревенских сходок.

Аким обернулся на поручика.

– Вы как, барин, с нами? У вас, вона, и сабли, и пистолы, и даже ружжо имеется. Поможете мужичкам, ежели что...

Картуз – на самом деле, старую солдатскую фуражку без козырька, – она на этот раз стащил с головы и мял в пальцах.

– Эк ты запел... – Ростовцев усмехнулся. – Нет уж, друг ситный: коли бунтовать горазды, то и с бесями сами разбирайтесь как-нибудь. А мне недосуг с вами по кустам бегать. Непременно эти двое пьяные, наплели невесть что. Надо ещё выяснить, за какой такой надобностью они в Вязьму ездили, коли там супостат? Ты, часом, не ведаешь?

Веденякин усмехнулся. Судя по тому, как смутился староста, он очень даже ведал. А может, даже и отправил свои товары вместе с теми двоими – отчего ж не продать, ежели французы готовы платить за провиант серебром и ассигнациями? Мужик есть мужик – дремуч, глуп, что ему страдания Отечества?

Он тронул Ростовцева за рукав.

– В самом деле, поручик, поехали отсюда. Нам ещё ваших вывозить из усадьбы, а фуражиры, и правда, вот-вот нагрянуть могут, ежели, конечно, тот француз не соврал. А зачем ему врать, перед смертью-то?

– Ладно, уговорил... – Ростовцев крутанул на месте коня, едва не снеся крупом старосту – тот едва успел отскочить в сторону. – А тебе, Аким, вот что скажу на прощание...

Он ткнул рукой, с запястья которой, свисала плетёная казачья нагайка, вверх, в облака. Поручик чувствовал, что охватившая его злость на этого, в сущности, неплохого и по-своему неглупого мужика, отступила, и осталась только жалость – жалость к его темноте и жадности, которые, и правда, могут довести до Сибири.

– Господь – он, знамо дело, всё видит, и каждого судит по его прегрешениям. Но то будет после смерти, а пока жив – найдётся и здесь, кому спросить за все твои грехи. Так что думай, Аким, крепко думай – небось, не поздно пока за ум взяться, покаяться!

«...Я умоляю, как человека,

Эй, генацвале, слушай меня!

Без кинжала, нет абрека,

Нет джигита без коня...»[9 - Песня из фильма «Сватовство гусара. Вышел на экраны в 1980-м году.]

– пропел я. – Коня тебе взять не позволили, так хоть кинжалом решил обзавестись?

– Слушай, какие джигиты-шмигиты, а? – немедленно обиделся Рафик. – Я тебе что, грузин, чечен? А нож пригодится – ты, вон, с наганом, Гене винтовку дал, даже у тётки твоей ружьё! А мне что же, с голыми руками ходить? Нехорошо это, брат, нечестно!

«...ну да – Кавказ есть Кавказ, война есть война. Стоит только ею запахнуть, и у любого, даже у интеллигентного армянского студента, руки сами тянутся к холодной стали...» Я вспомнил фотографию, которую Рафик прислал мне в девяносто втором. Улыбающийся, бородатый, в замызганном камуфляже, со «Стечкиным» на боку и РПГ-7 на плече, он позировал на фоне подбитого азербайджанского Т-64. Письмо добиралось до меня долго, не по почте, с оказией – и когда я рассматривал этот снимок, то ещё не знал, что он подорвался на «лягухе»[10 - ОЗМ-72 —противопехотная выпрыгивающая мина. Активно применялась во всех конфликтах на постсоветском пространстве.] и валяется в госпитале без обеих ног...

Меня передёрнуло.

«...не дай Бог, и здесь нарвётся...»

– А ты тётю Дашу попроси, может, уступит свою берданку? – предложил я. – Правда, на велике с ней будет неудобно – длинная, по спине колотится...

– Просил уже. – горестно вздохнул Рафик. – Не дала. Взамен предложила вот это.

И продемонстрировал длинный штык от чешской винтовки в паяных жестяных ножнах с кожаным кармашком-подвесом на ремень – он-то и напомнил мне песенку Боярского из старой советской комедии. Впрочем, какой ещё старой – «Сватовство гусара» выйдет на экраны только в восьмидесятом. Или его по телевизору покажут?..

«...ох уж мне эти временные парадоксы... надоело до чёртиков. А ведь, если подумать – ещё и суток не прошло...»

Подготовка велосипедов к вылазке не затянулась. Мне достался старенькая, но вполне ещё работоспособная «Украина», Рафик оседлал складную «Каму». С третьим велосипедом вышла заминка: подростковый «Орлёнок» даже с выкрученной до упора рулевой колонкой и штангой для седла был мал для любого из парней. В итоге, машина досталась Мати – пусть едет, решил я, здесь и без неё справятся. Тем более, что глядела она на меня такими влажными, обещающими всё глазами...

Я помотал головой, отгоняя грешные мысли. Нам предстоит отнюдь не романтическая прогулка с девушкой, а разведка, быть может, даже разведка боем. Хотя последнее вряд ли. После бегства экипажа телеги на дороге и на опушке леса, окружавшего здание клуба, не было замечено ни души, хотя наблюдение и велось на полном серьёзе: тётка выдала нам ключи от чердака и теперь там постоянно торчал дозорный со стареньким армейским биноклем, позаимствованным, как и Рафиков штык, с музейного стенда.

До Бобрищ, стоящих на месте будущей центральной усадьбы совхоза «Знаменский», мы добрались за четверть часа. Не доезжая сотни метров до

поворота, за которым по моим расчётам должно было открыться деревня, я скомандовал сворачивать в лес. Соватья напролом в деревню не стоило – народ там дремучий, могут встретить непонятных чужаков в вилы. Лучше уж сделать крюк, а за перипетиями пейзажной жизни понаблюдать с опушки – тем более, что бинокль у меня тоже имелся, двойник того, что остался у караульщика на крыше ДК.

Деревня гудела растревоженным пчелиным ульем. С трёхсот метров, отделявших наш наблюдательный пункт от окраины, мы, конечно, не могли разобрать ни слова – но ясно видели и скопившуюся возле колодца толпу, и появление вооружённых всадников, и едва не случившуюся стычку. Минут через десять страсти поулеглись, мужики стали расходиться, а верховые, поторчав ещё немного на бобрищевском майдане, развернулись и ускакали. Насколько я помнил местную географию – в сторону господской усадьбы, которая как раз за ближайшей берёзовой рощей, верстах в трёх отсюда. А пейзаже тем временем стали стягиваться к противоположной околице, и в руках у них мелькали вилы, дубины и топоры. А просёлок от этой самой околицы ведёт, между прочим, напрямик к нашему ДК...

– Что делать будем, Никита-джан? – прошипел мне на ухо Рафик. Мамой клянусь, они к нашим собираются, к ДК! Если поднажмём хорошенько – обгоним.

Я задумался. В клубе – карабин, двустволка и гранаты, есть люди, умеющие с ними обращаться, одна тётка с её партизанским прошлым чего стоит... К тому же у «альпиниста» оказалась с собой ракетница с двумя десятками картонных цилиндров-ракет – собирался, понимаешь, устроить новогодний фейерверк...

– Поедем сначала в имение. От крестьян наши как-нибудь отобьются. Да им и отбиваться не придётся – два-три выстрела в воздух, и сами разбегутся. А у владельцев усадьбы можно попросить помощи. Ну и узнаем что-нибудь – в разведке мы, или где?

Ну, не знаю... – Рафик с сомнением покачал головой. – ты начальник, тебе виднее...

Насчёт помощи я не просто так сказал. Пятеро кавалеристов, которых мы только что видели, без труда разгонят жиденькую толпу пейзажа, даже не пуская в ход оружие. Ну, может, нагайкой кого попотчуют, или саблей перетянут плашмя

вдоль спины – так это не смертельно, дело житейское...

Я поднял из травы «Украину», выкатил на тропинку. Перед тем, как взгромоздиться в седло, передвинул вбок заткнутый за пояс наган – чтобы не врезался во всякие чувствительные места.

– Не копайтесь, у нас каждая минута на счету!

«...ага, а пока будешь ехать – не забудь придумать, как объяснить будущим «спасителям» кто мы такие. И, желательно, так, чтобы не перепугать их до полусмерти...»

VIII

Вычищенные и смазанные части затвора масляно посверкивали на газете, покрывавшей стол. Библиотекарша заставила Гену три раза разобрать, а потом заново собрать карабин – под её чутким руководством, разумеется. Она и сейчас следила за действиями студента, пристроившись на табурете в углу комнаты, но теперь всё это предстояло повторить самостоятельно. С неполной разборкой Гена справился легко, теперь предстоял обратный процесс.

Что ж, невелика хитрость – СКС, с которым он вдоволь повозился за два года службы в железнодорожных войсках, имел куда более сложное устройство. А тут – затвор состоит всего-то из шести частей: боевая пружина, стемпель, ударник, соединительная планка, курок и личинка. Просто, как всё гениальное – недаром творение капитана Мосина до сих пор считают эталоном надёжности и безотказности.

Во всяком случае, так написано в наставлении, пожелтевшей брошюре в тонкой бумажной обложке сорок второго года выпуска, позаимствованной, как и бинокль, с музейного стенда. Весь процесс сборки-разборки там изложен в виде простейших схем со столь же незамысловатыми пояснениями – с ними Гена справился бы и без библиотекарши. Но не отказываться же, когда предлагают помощь? Тем более, тётка явно разбирается в оружии, это он понял сразу.

Ну, понеслась?..

Так... надеть боевую пружину на стержень ударника со стороны хвостовика. Сделано. Дальше – упереть боёк в стол и нажать, так, чтобы венчик – узкий цилиндрический выступ на ударнике – зашёл внутрь стебля. «Осторожно – поучала библиотекаря. – Боёк, конечно, хрупким не назовёшь, но если его погнуть хотя бы самую малость – всё, ты остался безоружным...»

Что ж, осторожно так осторожно... Он надавил на стемель затвора – и давил, пока хвостовик с резьбой не высунулся с обратной стороны. После чего оставалось накрутить курок на пару-тройку оборотов и завершить процесс, воспользовавшись вместо гаечного ключа особым вырезом-вилкой на соединительной планке.

«...Тьфу ты, чуть не забыл...» Гена повернул полусобраный затвор тыльной стороной к себе. На торце хвостовика ударника имелась насечка, вроде тех, что бывают на головке обыкновенного винта. Другая была нанесена на «пуговку» курка, и насечки эти следовало совместить. Вообще-то операцию следовало произвести входящим в набор приспособлений ключом, но за неимением одного Гена воспользовался обычным складным ножом.

Дальше следовало поставить на место соединительную планку так, чтобы вилка вошла в пазы выступа на курке, именуемого «боевой взвод», потом вставить личинку, попав её выступом в прорезь на гребне стебля. После чего – оттянул курок и провернул по часовой стрелке, приводя в исходное положение.

Всё, затвор собран. Следовало, согласно инструкции, ещё и проверить, насколько далеко выходит кончик бойка из зеркала личины, но за неимением ключа, проверку пришлось проводить на глазок. Миллиметра два с половиной? Столько и надо...

Теперь – магазин. Неполная разборка не требовала отсоединять его от винтовки, а потому Гена, прижав пальцем подаватель, защёлкнул на своё место крышку. Осталось вставить на место затвор, что он немедленно и проделал.

– Готово, Дарья Георгиевна!

Библиотекарша взяла карабин, придирчиво его осмотрела, дважды передёрнула затвор. После чего извлекла его и сощурившись, стала рассматривать кончик бойка. Гена покорно ждал.

– Ну, вроде ничего. Боёк подкрутить бы чуть-чуть оборота, но и так сойдёт. На глаз, конечно, не сразу угадаешь, но со временем привыкнешь. Считай, норматив сдан... боец!

Гена подавил желание вытянуться по стойке «смирно» – словно не перед пожилой седой женщиной он стоял, а перед сержантом в учебке, похвалившим молодого за успешное освоение матчасти.

– Шухер! – донесся сверху голос комсомольского вожака – Тревога! Люди идут, много – целая толпа, и все с дрекольем!

Гена сгрёб со стола три полные обоймы, схватил карабин и кинулся к лестнице, ведущей на чердак.

– Геночка, скажи, только честно – ты с гранатами обращаться умеешь? С «лимонками» и, к примеру, с РГД-33?

Вопрос поверг парня в замешательство. Ну и библиотекарша – мелькнуло у него в голове, – может, у неё и пулемёт тут припрятан? А гранаты это хорошо, это сила... в умелых руках, разумеется. Но – чего нет, того нет.

– Не умею, Дарья Георгиевна. Я же в железнодорожных войсках служил, считайте, тот же стройбат. Показывали, как запалы ввинчивать, ну и кидал пару раз учебную болванку. На дальность.

– Ладно, проехали. – она махнула рукой. – Ты вот что, спускайся-ка с чердака. Тут, сам видишь, единственное окошко, и выходит оно только на одну сторону. Надо выбираться на крышу, а там ты будешь, как на ладони. У этих... – она кивнула на толпу крестьян, в угрюмом молчании ожидающую у ворот, – могут ведь и ружья найтись, и охотники тоже, снимут, как тетёрку. А внизу можно бегать от окна к окну и держать под обстрелом все подходы к зданию.

– М-м-м... а если они в окна полезут? Во все разом?

– На всех окнах крепкие решётки и ставни из листового железа с навесными замками. Опустим, подопрём изнутри шкафами – с ходу не высадишь.

– А как же тогда стрелять?

– Оставим по одному на каждую стену, кроме торцевой. Там единственное окошко, маленькое и тоже с решёткой. Запрём, заколотим изнутри досками – обойдётся.

– Эй, бесы! – раздалось снаружи. – Это вы, што ль, телегу разбили, добро пограбили и лошадь увели?

– Они, они! – поддакнул кто-то оратору. – Всю, как есть, деньгу, что мы на базаре для общества за припас выручили, унесли!

– Слыхали? – снова заорал первый мужик. – Теперь, небось, не отбрешетесь! Выходи ответ держать перед православным людом!

– Пьёрдоле чьйэ, курва мать![11 - Нехорошие польские ругательства] – донеслось из нижнего окна. – Пшли прочь, Еезус свидетель – кишки всем выпущу, быдлаки!

Грозный гул за окном усилился. Теперь Гена мог разобрать отдельные фразы – увы, не сулившие гостям из будущего ничего хорошего.

– Это он зря... – с досадой прошептала библиотекарьша. – Для смоленских крестьян лучше уж бесы, чем поляки. Натерпелись от такого соседства за столько-то веков...

Гена уже карабкался вниз по приставной лестнице. И успел ровно к тому моменту, как толпа, подбодряемая призывами, бить бесей и панов, ринулась на приступ.

К счастью, крестьяне были плохо знакомы с тактикой и предприняли наступление только со стороны фасада. Навстречу им сначала дважды бухнула

двустволка, потом Гена один за другим выпустил три патрона, целя, как и было условлено заранее, поверх голов. Боевого духа у атакующих явно поубавилось, а тут ещё «альпинист» приоткрыл входную дверь и выпалил из ракетницы – но не над головами, а прямо под ноги толпы. Пронзительный визг, комок ярко-зелёного огня запрыгал в грязи, рассыпая во все стороны искры. Снова хлопок, визг – красный клубок огня пометался среди перепуганных мужиков, прожигая портки, обжигая ляжки – и перед тем, как упокоиться в луже, поджёг рясу дьячку местной церквушки, который сопровождал борцов с «бесями».

Эта, несомненно, дьявольская выходка осаждённых поставила в стратегической наступательной операции жирную точку. Бобрищевцы повернулись и кинулись прочь, оскальзываясь в жидкой грязи, теряя вилы и дубины. Дьячок козлом скакал следом за ними, и его тлеющая ряса оставляла в воздухе дымный след. Гжегош ржал в голос, провожая разгромленного неприятеля нехорошими польскими словами; на крыше грохотал железными листами комсомольский вожак, вторивший поляку сугубо отечественными речевыми конструкциями.

Гена передёрнул затвор, стреляная гильза заскакала по полу. Заглянул в магазин – пусто. И когда это он успел выпустить оставшиеся два патрона?..

Двор был усеян брошенным дубьём, кое-где валялись потерянные в суматохе бегства шапки. Противника в поле зрения не наблюдалось.

Отбились? Гена загнал в магазин новую обойму и нажал на верхний большим пальцем. Трёхлинейные патроны, заранее смазанные и протёртые, один за другим с щёлканьем ушли вниз. Пустую обойму вон, затвор с ласкающим ухо клацаньем становится на место. Можно воевать дальше – только вот, почему-то совсем не хочется...

...не хочется, а придётся – это защитники ДК поняли очень скоро. Отступившее, было, крестьянское воинство недолго отсиживалось в ельнике: не прошло и получаса, как мужики стали небольшими группами выбираться на дорогу и строиться во что-то, отдалённо напоминающее боевые порядки. Сразу стало ясно, что руководство взял на себя кто-то, имеющий боевой опыт – толпа разделилась на несколько групп и те двинулись в обход, нацелившись на торцевые стены многострадального ДК. В руках у многих чадил смоляные факелы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Из песни барда Олега Митяева.

2

Арон Крупп, 1966 г.

3

Отсылка к роману Айзека Азимова «Конец Вечности».

4

(арм.) – брат, братан, братишка.

5

нехорошее армянское ругательство.

6

(фр.) – Великая Армия.

7

(фр.) – Привет, ребята! Как дела?

8

То есть гадюки

9

Песня из фильма «Сватовство гусара. Вышел на экраны в 1980-м году.

10

ОЗМ-72 —противопехотная выпрыгивающая мина. Активно применялась во всех конфликтах на постсоветском пространстве.

11

Нехорошие польские ругательства

Купить: https://tellnovel.com/ru/batyrshin_boris/shpaga-dlya-bibliotekarya-kniga_1

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)